Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Рассказ А. Чехова. 8. Боевой корабль. 10. Советский драматург. 11. Выступ здания, перекрытый полукуполом или сомкнутым полусводом. 12. Относительное перемещение режущего инструмента и обрабатываемой на станке заготовки. 13. В международном праве выбор лицом гражданства. 18. Хлопчатобумажная бельевая ткань. 19. Генератор колебаний вспомогательной частоты в радиоприемнике. 20. Спортивная командная игра. 21. Хищная ночная птица. 26. Химическое вещество, подавляющее активность фермента. 27. Напевная, плавная мелодия. 30. Русский композитор, ученый-химик. 32. Трагедия Шекспира. 33. Денежная единица страны. 34. Способ ведения морского боя. 35. Человек, награжденный дипломом за успешное выступление на конкурсе. 36. Систематизированное собрание однородных предметов.

По вертикали: 1. Группа морских островов. 2. Военный орден. 3. Летательный аппарат. 4. Общепризнанное влияние. 5. Созвучие двух или нескольких звуков одинаковой частоты. 6. Народная обрядовая песня. 9. Советский орбитальный корабль многоразового использования. 14. Жанр короткого смешного рассказа. 15. Поглощение твердым телом или жидкостью какого-либо вещества из окружающей среды. 16. Учетный документ, имеющий правовое значение. 17. Сладкая масса из протертых плодов, сваренных с сахаром или патокой. 22. Ступень в системе подчиненных друг другу органов. 23. Персонаж итальянской комедии масок. 24. Казахский просветитель, путешественник, этнограф, фольклорист XIX в. 25. Краткая характеристика содержания литературного произведения. 28. Древнерусский струнный музыкальный инструмент. 29. Персонаж поэмы Гомера «Илиада». 31. Норвежский исследователь Арктики.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

6•89 Общественно-политический ежемесячник

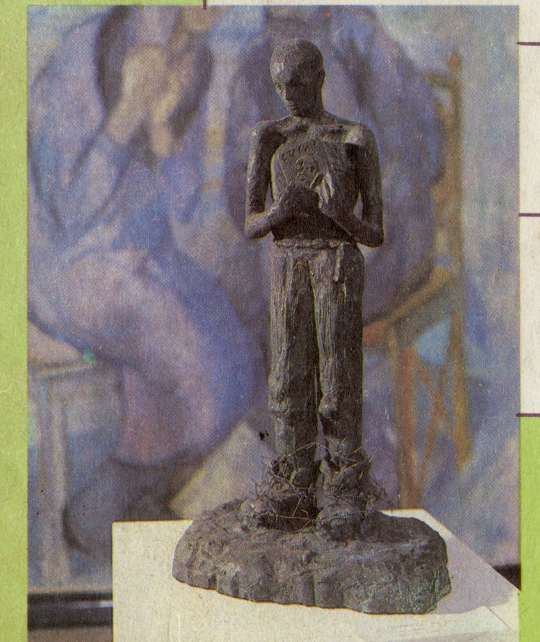
Леонид Гольдин
ЗА ВСЕ ПРИХОДИТСЯ ПЛАТИТЬ...

Эдуард Уткин
АРЕНДА: реальность и взгляд в будущее

Интервью с Виталием КОРОТИЧЕМ

Открытое слово Льва Копелева

Эмма Герштейн об Анне Ахматовой

В Москве состоялась выставка «Памяти жертв сталинизма»

Съезд
еще раз продемонстрировал
глубокое понимание того,
что перестройка —
это наша судьба, шанс,
который дает нам история.
Он не может
и не должен быть упущен.
При всем многообразии
и противоречивости мнений
сложилось своего рода
общенациональное
согласие в том,
что политическому курсу
на обновление,
на коренное
обновление социализма
альтернативы нет.

Из доклада Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачева «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» на съезде народных депутатов СССР 30 мая 1989 года

6 (463) '89 | **ГОРИЗОНТ**

Общественно-политический ежемесячник

Рукописи объемом до одного авторского листа не возвращаются и не рецензируются.

Сдано в набор 28.04.89. Подписано к печати 02.06.89. Л22578. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,87. Тираж 100 000 экз. Заказ 4710. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302030800-076}{М172(03)-89}$ Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

На первой стороне обложки: скульптура П. Шапиро «Во имя?!.»

Леонид Гольдин

ЗА ВСЕ ПРИХОДИТСЯ ПЛАТИТЬ...

Гласность превратила наше до недавнего прошлого гордившееся единообразием суждений общество в гигантский дискуссионный клуб. В условиях, когда столь выросли раскованность, свободомыслие соотечественников, когда рухнула многолетне утверждавшаяся психология: «Знай свое место» — нередко и государственные мужи, и научные авторитеты, и даже представители особо компетентных органов вдруг обнаруживают оппонентов, желающих обсудить с ними накоротке проблемы, о которых ранее за закрытыми дверями шепотом говорили. Бывает, прозелиты демократизации и преуспевают в желании быть услышанными, удостоятся диалога. Однако кто есть кто в таком диалоге, обнаружить обычно незатруднительно: различия в уровне знаний, в профессиональном статусе проявляются достаточно ясно и в условиях тотальной средней образованности, и в общедоступности учебных программ телевидения. Поэтому не стоит питать больших иллюзий, что каждому из нас доступно побеседовать на равных с энциклопедистом масштаба Сергея Аверинцева или узкоспециализированным охотником за ядерной частицей.

Но есть одна область, где компетентность каждого из нас сомнений не вызывает. Здесь, правда, также находятся профессионалы, настойчиво убеждающие общественность, что им, и только им известны надежные пути ко всеобщему осчастливливанью. По этим притязаниям, а также по полному к ним недоверию широких и разных трудящихся масс можно догадаться, что речь идет о специалистах в области ценообразования. Если бы в их среде и возник мессия, нашедший возможность гармонизировать произвол в экономических отношениях с нерастраченными надеждами покупателей на гуманное и справедливое к ним отношение, был бы, однако, и он при свободном народном волеизъявлении побит камнями. И даже сакраментальный призыв начать дело возмездия тому, кто сам без греха, не остановил бы и рефлексирующих интеллигентов. Ибо все мы жертвы теории и практики ценообразования, и наше право на отмщение не может быть поставлено под сомнение. Впрочем, это настроение ни для кого не таит реальной угрозы. Хотя цены у нас диктуются не абстрактными законами стоимости, а волей конкретных людей, их имена вряд ли когда-либо станут достоянием истории экономических учений или уголовной хроники.

Негативизм по отношению к неведомым народу творцам системы отечественного ценообразования — не порождение эпохи гласности. Даже самые лояльные и законопослушные сограждане были не способны выдержать испытание официальной статистикой и пропагандой, убеждающей, что чуть не девяносто процентов товаров сохраняют стабильные цены, что наши прибавки к зарплате в состоянии нейтрализовать стоимостные манипуляции финансистов, экспансию ведомственного молоха, что благосостояние наше неуклонно растет, в то время, когда остальной мир стонет под гнетом инфляции, кризисов и гонки вооружений...

В годы перестройки ценообразование заняло центральное место в экономических, а затем и в политических дискуссиях, о чем свидетельствовали и предвыборные программы кандидатов в народные депутаты,— никто из них этот вопрос не обошел. Проблема цен оказалась пока одной из немногих, где в обсуждении был представлен реальный плюрализм мнений. Долгое время к этим спорам внимательно прислушивалось партийное руководство, не торопясь дать твердые установки,— это произошло на этапе, когда все точки зрения были нестесненно высказаны.

Почему именно проблема цен, а не какая-либо иная, оказалась столь притягательной и для серьезного научного спора, и для публицистической полемики, и для размышлений наследников гоголевских героев типа Плюшкина! Ведь в экономическом всеобуче каждым усвоено: цена — категория не первичная, а сугубо производная от других важнейших показателей экономического потенциала и качества жизни общества. Производительные силы, совокупность производственных отношений — здесь точка отсчета, узловой пункт, если хотим вести серьезный разговор о том, как живем и как жить будем. Состояние производства определяет в конечном итоге и цену.

Но в цепочке причинно-следственных связей о многом можно судить и по отдельно взятому, более доступному для наблюдения и анализа звену. И даже не вдаваясь в блуждание по политэкономическим лабиринтам, не овладев формулировками истмата, мы можем надежно судить об обществе, в котором живем, не только по словам о базисе и надстройке, но и по реальным распределительным отношениям. Как по кости восстанавливают облик доисторического монстра, как по почерку, походке судят о человеке, как каждая молекула несет в себе образ мироздания, так и по частице общественных отношений можно судить и о самой их сути.

К примеру, в зарубежной командировке, даже очень мало зная о стране пребывания, по цене за килограмм колбасы и персональный компьютер можно составить представление о достоинствах ее производительных сил, производственных отношений и условиях жизни людей. Может быть, даже более полное, чем слушая политических деятелей.

И решающие для нашей истории и судьбы вопросы: что с нами случилось! где мы находимся! куда идем! — отнюдь не косвенно представлены в спорах о ценообразовании. А между тем в недавнем прошлом газеты взахлеб писали о победах колхозного строя, о том, как наука, машиностроение и «большая химия» помогают нашему селу все полнее удовлетворять потребности трудящихся, в то время, когда три четверти населения страны «посажены» на талоны, цены на рынке удваиваются каждое десятилетие. Более того, ухудшается положение и в тех сферах, где вчера еще было относительно благополучно. Телевизоры отечественного производства, которые еще вчера порождали угрозу затоваривания, сегодня — острейший дефицит, и они стали предметом спекуляции. Воистину, экономические законы не для нас писаны: вместо банкротства производители электроники переживают девятый вал спроса и прибыли. В нынешнем году в торговлю поступит телевизоров на 21%, радиоприемников на 30% меньше, чем требуется. Заявки на

Л. И. Гольдин, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой управления и общественно-политических дисциплин Института повышения квалификации руководящих работников и специалистов Минхимпрома.

холодильники будут удовлетворены на 57%, на стиральные машины — на 81% (Советская культура. 1989. 4 марта). Не лучше обстоит дело со швейными машинками, пылесосами, утюгами, кофемолками, стиральными порошками — долго можно продолжать этот печальный перечень. И при таком дефиците товаров, цены на которые неуклонно растут,— неизбежные контакты с нашим ремонтным сервисом. Нужны ли более убедительные показатели качества нашей жизни!..

А разве мы не можем судить о состоянии правопорядка и морали, видя, как при скромной зарплате и постоянно растущих ценах все больше людей — и местных номенклатурных чиновников, и «выездных», особым доверием облеченных, и фарцовщиков, по-своему развивающих «контакты» между народами, и дельцов, промышляющих внутренним гешефтом,— живут напоказ в купеческой роскоши!

И разве облеченные правом принимать решения государственные мужи, усиливавшие нагрузку на печатный станок в то время как экономика все более сползала к кризису, не доказывали тем самым, сколь отчуждены они от общенародных интересов, от забот о завтрашнем дне! А какого они были мнения об интеллектуальном уровне народа, если, повышая цены на кофе, меха, такси, нехитрые услуги нашего сервиса, ссылались на свой опыт зарубежных поездок: там, мол, все это еще дороже, на себе эти трудности испытали! Или когда сравнивали свои обслугу и распределители с заводским самообеспечением.

Об уважении к личности, к ее достоинству можно судить с достоверностью, глядя на томящихся в очередях сограждан, на наши заискивающие взгляды, униженные просьбы, адресованные королям дефицита. Когда же мы закипаем гневом и возмущением от состояния прилавка, галопирующей инфляции и сопутствующей всему этому демагогии по поводу нашего благосостояния, когда, оценивая нынешнее положение, вспоминаем вместе с поэтом: «...было время, и цены снижались»,— то нередко попадаем в ловушку — одну из многих, предусмотрительно оставленных сталинской экономической политикой тем, кому посчастливилось пережить ее победное шествие.

В самом деле, как не вспомнить то давнее время, когда я, шестнадцатилетний заводской слесарь самой малой квалификации, будучи студентом-заочником, ел не только сардельки в университетском буфете на Моховой, но и посещал ресторан «Москва», кафе «Марс» и «Артистическое», куда зайти ныне, при профессорском статусе и зарплате, в голову мне не придет! А болгарские дубленки за 120 рублей — по всей Москве, на выбор. И советский бараний тулупчик за 50 рублей у меня по сю пору. В моем книжном шкафу стоит роскошный фолиант в 600 крупноформатных страниц, богато иллюстрированный, изданный во времена, не столь отдаленные,— в 1961 году: «Искусство. Книга для чтения по истории живописи, скульптуре, архитектуре»; составитель не кто-нибудь — Михаил Алпатов. Куплена без очереди и без знакомства за один рубль семьдесят восемь копеек (цену пишу прописью, чтобы не думалось молодому читателю о возможной опечатке). О ценах на рынке и в продмаге не знаю, это была мамина компетенция, но помню, что на 50 рублей в месяц на двоих были сыты. Не померли мы с голоду и когда был я школьником, мама долго болела и жили мы на ее инвалидную пенсию и пенсию за погибшего отца — итого 44 рубля. А каков сегодня нижний предел выживания!

Что же получается: сравнения говорят в пользу сталинского этапа нашего общественного бытия! Выходит, обильно политая кровью ослушников, потом беспрекословных тружеников, удушающая все живое, творческое, цинично попирающая элементарные человеческие права система внеэкономического принуждения образца 30—50-х годов не так уж плохо обеспечивала не только высокие темпы индустриального развития, но и народные потребности! Вопросы ультрасерьезные; возникают они не только у ветеранов, воспитанных на «Кратком курсе». Умозрительные, эмоциональными импульсами порожденные аргументы в таком разговоре неприемлемы. Мучительно задумаемся: неужели система, функционировавшая по принципу гигантской мясорубки, могла быть целесообразной хотя бы в узкоэкономическом смысле!

Здесь придется обратиться к цифрам, к анализу, к доводам экономистов. В первую очередь нужно сказать о проблеме темпов в социалистическом строительстве: отсюда, и только отсюда можно делать выводы обо всех других сторонах экономической жизни и о движении народного благосостояния. На мой взгляд, серьезное и честное исследование этой проблемы провел Отто Лацис в статье, опубликованной журналом «Коммунист». «Прирост производительности труда в промышленности за годы пятилетки оказался значительно меньше запланированного, а прирост среднегодовой зарплаты — намного больше...— пишет автор.— Уже не могло быть речи о значительном снижении себестоимости» (Коммунист. 1987. № 18. С. 84).

Выводы: фантастические скачки в годовых планах первой пятилетки породили диспропорции, вызвали после незначительного прироста резкий спад темпов.

Тем не менее ход событий определялся сталинской установкой: «Люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов» (Там же. С. 89). В результате осуществления этой установки в ход была пущена машина принуждения, подавления инакомыслия, отчуждения людей от сознательного участия в социалистическом строительстве; расцвела, укоренилась как неотъемлемая черта экономической жизни система приписок, очковтирательства, различного рода манипуляций показателями, ставящая целью имитацию благополучия и успешного выполнения нереальных, губительных для производства командных директив. В экономике возобладал затратный принцип, простая суть которого: чем больше загубишь трудовых усилий, чем дороже сырье, материалы, оборудование, чем несуразней связи кооперации — тем выше валовые показатели. И соответственно выше темпы, планы, прибыль, заработная плата. Немыслимо представить и прямые экономические потери, и масштаб нравственных уродств и их последствий, связанных с господством «затратного» молоха, пожирающего природные ресурсы и трудовые усилия миллионов людей, породившего при полном благополучии в статистике глубокую инфляцию. О масштабах влияния инфляции на показатели экономического развития говорит следующий факт: по данным Госкомстата СССР, национальный доход за 1929—1985 годы возрос в 84 раза; по альтернативным расчетам, он увеличился лишь в 6,6 раза (Коммунист. 1988. № 17. С. 84). В этих условиях и зародились хронический рост цен, несбалансированность товарного производства и денежных доходов населения. Так, за 1929—1950 годы розничные цены, если учитывать лишь их явный рост, повысились в 12 раз. Именно в эти годы особенно быстро ухудшились показатели эффективности общественного производства (Там же. С. 83).

Естественно, что в этом театре экономического абсурда выжить, утвердиться и продвинуться на ведущие роли мог в первую очередь

тот, кому не препятствовали ни командно-административная система, ни собственные компетентность и совесть. Эти люди поощрялись всякого рода номенклатурными льготами. Но и тому, кто был на самых скромных ролях, хотел он того или нет, приходилось принимать правила игры. Не только сомнительные, с точки зрения кодекса, приработки, но и зарплата, и премия из заводской кассы сплошь и рядом выражали не количество, не качество труда и его общественную необходимость, а милость или кару со стороны власть имущих. Распределительные отношения заменила воля феодалов-распределителей, которые могли щедро одарить или в любой момент отлучить от самого малого.

Брежневская эпоха явилась не альтернативой, а закономерным итогом тому, что ей предшествовало. Дело не в масштабах, а в сути общественных отношений, где связь между мерой труда и мерой потребления устанавливалась по прихоти и произволу больших и маленьких вождей. Последствия такого положения мы ощущаем и по сю пору. Не нужно быть специалистом в области народного благосостояния, чтобы подсчитать, какую зарплату должен получать обладатель обустроенной кооперативной квартиры, «Жигулей» и гаража к ним, позволяющий себе и жить не впроголодь, и с семьей на юге отдохнуть. Знаю не понаслышке: заработка непьющего, некурящего, рестораны не посещающего заведующего кафедрой, профессора, даже с учетом нередких гонораров на это не хватит. Чудо дивное и то, как молодые женщины с полутора сотнями зарплаты умудряются ходить в целых колготках, пахнуть хорошими духами и даже ссориться по поводу выделенного на весь отдел одного талона на импортные сапоги. Если даже предположить, что никто не живет у нас без каких-либо дополнительных доходов, то где же таинственный первоисточник средств на жизнь не по зарплате! Какое-то экономическое зазеркалье... Театр миражей и теней вместо строгой, беспристрастной статистики. Зато какой простор для произвола «компетентных инстанций» и фантастических проектов малоинформированных сограждан...

Особенно удручает очевидная зависимость ученых-экономистов от воли их работодателей. Вот директор НИИ цен профессор Владимир Чепланов рассказывает читателям «Смены» о путях перестройки ценообразования (1988. № 5. С. 3). Разговор серьезный, приведено много цифр, фактов. Они выглядят вполне убедительно, когда речь идет о прошлом. Но когда дело касается будущего и конкретных предложений, профессиональная аргументация экономиста выглядит беспомощной. Вот один из решающих доводов В. Чепланова: предприятия, «как того требует Закон СССР о государственном предприятии (объединении), обязаны обеспечивать рентабельность и безубыточность своей работы... А может ли завод быть безубыточным, если его продукция не найдет спроса! Понятно, нет. Стало быть, чтобы не «прогореть», придется ориентироваться на рынок, учитывать позицию и настроение потребителя». Все это мы уже проходили, слышали десятки раз, как только начинался разговор о любой экономической иновации. Не прогорят от договорных цен предприятия — очередной раз прогорит покупатель. И скажет через несколько лет читатель, бережно хранящий ввиду неясных перспектив комплекты перестроечной публицистики: опять хотели как лучше, а получилось как всегда...

Конечно, мы уже научены, что доверять следует больше тем ученым, над которыми не довлеют ведомственные (да и любые другие) установки, не удивляемся тому, что о проблемах отечественной экономики более объективно судят специалисты, скажем, Института США и Канады или даже зарубежные исследователи, и необязательно масштаба нобелевского лауреата В. Леонтьева. Не только красотами стиля, но и независимой позицией привлекла внимание очередная статья Н. Шмелева «Либо сила, либо рубль» в журнале «Знамя», № 1 за 1989 год. Автор имеет все основания утверждать, что попытки наших идеалистов (либо авантюристов — кому какое слово больше нравится) сломать экономические законы, заменить рынок палкой, изгнать из жизни или изуродовать до неузнаваемости рубль, прибыль, конкуренцию, объективные цены и рыночное равновесие, процент и кредит, акции и облигации, биржу, реальный валютный курс и обратимость рубля, здоровый, сбалансированный бюджет,— все эти попытки не привели к желаемым результатам.

«Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда! На том стоял мир, на том он и стоит. Можно сколько угодно кричать, проклинать, размахивать кулаками, можно расстрелять всех экономистов до единого — это ничего не изменит. И как не было в нашей жизни стоящего компьютера, так его и не будет, и как была на полках в магазинах пустота, так она и останется.

Нет ничего другого, дорогие соотечественники. Нет, если мы хотим жить, как люди живут. Либо мы это поймем, либо нет. Но тогда — тем хуже для нас»,— пишет, не заботясь о нашем душевном покое, Н. Шмелев (Знамя. 1989. № 1. С. 129). Это только видимость, что говорит он о том же, что и его коллега В. Чепланов, ибо у директора НИИ цен речь идет о реформах «в рамках и в пределах», о таких иновациях, от которых с головы ведомственных феодалов волос не упадет. О подобном подходе можно сказать словами Н. Шмелева: «Как бы это сделать так, чтобы все изменилось, не меняя ничего и не жертвуя ничем!» (Там же. С. 135).

Но и разделяя оценки Шмелева, не находя контраргументов, трудно, очень трудно для нашей психологии, для нашей традиции признать универсальность формулы: «Рынок всегда прав». Истинно ли это и для нашей уникальной действительности, когда чем хуже потребителю, тем лучше производителю!

Сегодня, когда в магазинах шаро́м покати, мы восторженно схватим все, что ни появится на полках. И шансов на конкуренцию производителей, на ослабление путем развития кооперативного движения монопольного положения ведомств, ответственных за насыщение рынка, пока не видно.

Однако не публицистические поединки, не референдумы, не изыскания специалистов в области политэкономии и социологии дадут реальный ответ на вопрос, сколько платить за нынешнее наше бытие с учетом накопившихся долгов и выданных в расчете на светлое будущее авансов. Выход из тупика — в радикальном преобразовании экономических отношений, а не в интенсификации борьбы брони и снаряда. В этом поединке, пока существует ведомственная система, победитель известен заранее. Но мнение ученых, независимых от ведомственной установки, должно быть обязательно принято во внимание. Хотя, признаюсь, у меня здесь трудность особого рода. Я с большим доверием отношусь к взглядам Т. Заславской и О. Лациса, которые уделяют много внимания товарно-денежным отношениям. Ценю не только их компетентность, а и делом доказанную в трудные времена принципиальность, гражданскую честность. Но сколько ни вслушиваюсь в их телевизионные беседы, ни вникаю в аргументацию публикаций, их дово-

ды о том, что повышение цен может сочетаться с сохранением и даже с приумножением благосостояния народа, мне кажутся неубедительными. Ибо ведомства всегда найдут, о чем свидетельствует и опыт последнего времени, тысячи лазеек, как обесценить любые гарантии и компенсации, провести такую реформу цен, которая будет им выгодна. И выдающимся умам не разрешить противоречия квадратуры круга.

В сложившихся условиях мы пока не доверились рыночному регулированию. Пришлось вновь прибегнуть к административным акциям, чтобы приостановить инфляцию, снижение жизненного уровня трудящихся. Принято постановление Совета Министров СССР «О мерах по устранению недостатков в сложившейся практике ценообразования». Наши беды и причины, их порождающие, названы здесь с предельной откровенностью: «Многие предприятия, пользуясь значительным превышением спроса на товары над их предложением и монопольной ролью на рынке, пытаются улучшить свое финансовое положение не за счет увеличения производства и снижения себестоимости продукции и услуг, а путем завышения цен на них. Широкое распространение получила практика повышения цен под видом выпуска новой продукции, которая в действительности по своим технико-экономическим показателям и потребительским свойствам незначительно или вообще не отличается от ранее выпускавшейся». Растет выпуск дорогостоящих изделий за счет снятия с производства необходимых народному хозяйству и населению недорогих товаров. Торговля слабо противодействует повышению цен на товары, вымыванию пользующихся спросом дешевых изделий.

Предусматриваются решительные административные меры: запретить повышение цен на новую продукцию при незначительных изменениях ее технико-экономических показателей и потребительских свойств, не дающих реального эффекта для потребителя, пресекать спекулятивные тенденции в деятельности кооперативов, вызывающие нарекания населения, создать единую общегосударственную систему контроля за ценами, включающую государственные, кооперативные и общественные органы.

И самое, конечно, существенное — твердое заявление М. С. Горбачева на мартовском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС:

«На каком-то этапе после дискуссий в обществе мы все пришли к выводу, что сейчас цены не надо трогать. Ибо это было бы попыткой решить вопросы, действительно реальные, только за счет цен, даже, возможно, за счет интересов людей. Люди бы такого шага не поняли.

Мы еще не насытили рынок товарами, продовольствием. Еще не приняли кардинальных мер по наведению порядка в финансовом положении страны... Надо два-три года поработать, с тем чтобы оздоровить ситуацию,— и что касается экономики, финансового положения, вообще рынка. И только тогда мы можем ставить вопрос о ценах... Это такой вопрос, который надо решать всем обществом» (Правда. 1989, 18 марта).

Будем называть вещи своими именами. Мы получили короткую передышку. Радикальные решения пока не найдены, острые противоречия сохраняются и при внешней видимости благополучия могут и нарастать. «Затратная» экономика не сдает позиций, сохраняются при всех реорганизациях ведомственное самовластие и диктат производителя. В этих условиях участие независимой общественности, альтернативные подходы, реальный плюрализм идей о путях дальнейшего развития социалистической экономики должны получить еще более широкое развитие.

Пора, однако, и автору переходить от скепсиса и критики к конструктивным предложениям. Первое, о чем хотелось бы сказать: проблема цен нуждается прежде всего в правде, какою бы трудной она ни была. Ясно, что с учетом всех деформаций прошлого, противоречий

Владимир Война

ФАРАОНОВО МЫШЛЕНИЕ

Запрет на кооперативную деятельность в издательской сфере и в изготовлении кино- и видеопродукции, о котором с возмущением пишут и говорят сегодня многие, не просто бессмысленная выдумка бюрократов. Нет, это очередная акция противников гласности и демократии, еще одно отступление от уже достигнутого уровня осуществления народом своих конституционных прав и свобод.

Ведь получается так, что единственным, по сути, выражением нашей свободы слова остаются... стенгазеты — непременная принадлежность тщательно контролируемой общественной жизни. Выходит стенгазета к праздникам — таковых в году пять — и, конечно, в одном экземпляре (как вообще можно называть газетой жалкий листок?). Как удобно: идеал для бюрократа, насмешка над понятием «пресса»!

Само слово «стенгазета» непереводимо на иностранные языки. Со времен Гутенберга человечество научилось тиражировать письменное слово, но мы, похоже, предпочитаем эпоху манускриптов, раннее средневековье... В других странах каждой школе и каждому классу доступно несложное типографское оборудование для изготовления печатного журнала, на страницах которого будущие ученые, публицисты, трибуны учатся искусству речи и письма, уважению к чужой мысли, а по большому счету — демократии. Да что там говорить, «их» родители нередко покупают детям игрушку, имитирующую наборную кассу, шрифты, краски. Стоит она пустяк, а — в зачатке — уже типография. Наша промышленность не только не планирует выпуска таких игрушек или более сложного, но доступного любому оборудования, но и из других стран попробуй его ввези! Криминал...

«Эрика» берет четыре копии». Эти слова из песни Александра Галича стали печальным лейтмотивом эпохи политического взросления моего поколения. Необходимый тебе текст можно было размножить, увы, лишь в четырех экземплярах, из которых третий и четвертый были неяркими и слепыми, но их все равно читали и передавали друг другу. Потаенные эти строки оказались сейчас лучшими из написанного в 50—70-е годы. А пишущая машинка была тем орудием интеллигенции, с помощью которого она боролась со сталинизмом, тоталитарным зажимом и истреблением вольного слова. Недаром машинки проходили регистрацию, с каждой полагалось спечатывать стандартный текст, который направлялся в соответствующую службу. В случае надобности легко было обнаружить (ведь у машинки такие же неповторимые признаки, как и кожа на пальцах живого человека), где и кем отпечатан текст. В учреждениях по праздничным дням все машинки сдавались в маши-

настоящего и даже при оптимистическом взгляде на будущее, без непопулярных, болезненных для народа мер не обойтись. Перестройка всей системы общественных отношений, если дело не сводится к попытке закамуфлировать хотя бы наиболее очевидные уродства, должна сломать не только экономические догмы, но и стереотипы в психологии и поведении, по-новому выявить «кто есть кто», установить новую социальную стратификацию. Раньше или позже за все приходится платить полную цену. За попрание экономических законов в первую очередь. За подмену объективных распределительных отношений распределителями — во вторую. За то, что крестьянина учили, как и когда сеять, а профессора — что говорить, а мы тому безропотно внимали — это тоже без последствий не осталось. Бюджет архинапряжен, к традиционным статьям затрат добавляются гигантские новые, связанные с кризисной экологической ситуацией, необходимостью коренным образом перестроить здравоохранение, образование. И путь к решению накопившихся национальных проблем предполагает помощь не столько советом, сколько реальным преодолением сложившихся экономических деформаций.

Перекладыванием денег из дотаций на продукты питания в компенсационные фонды остроты проблемы не убавить — это сегодня ясно всем участникам отшумевших дискуссий. Цены можно стабилизировать и снижать только в общем контексте оздоровления экономики. Здесь был взят правильный курс — на радикальную экономическую реформу. Однако на деле под разговоры о перестройке реформу пока оседлали чиновники. Но и при не стесненном ведомствами развитии плоды свои принесет она не сразу.

Другой фактор может дать значительный результат в короткие сроки, если, конечно, не будет препятствий со стороны внешних и внутренних сил. Речь идет о переходе от экономики вооружения к экономике разоружения, к глубокой конверсии военного производства, о чем говорил М. С. Горбачев, выступая в ООН в декабре минувшего года. Если гигантский научно-технический, интеллектуальный потенциал, оборудование, дефицитные ресурсы, кадры высшей квалификации, которыми располагает оборонная промышленность, будут служить реальным потребностям людей, эффект скажется незамедлительно.

Третий фактор — интенсивная международная экономическая интеграция, ориентированная не на гонку производства средств производства, а на фактические народные нужды. Этот путь включает и получение кредитов на покупку за рубежом товаров широкого потребления. Разоружение, переориентация военного производства создают не только политические, но и экономические предпосылки развития отношений в этой области. Для наиболее индустриально развитых стран кредиты — обычное дело, атрибуты повседневной жизни, но никак не свидетельство малой жизнеспособности.

Не обойтись, конечно, и без специальных организационных мер. Иметь реальные представления о бюджете страны и отдельной семьи можно только, если ясна реальная картина доходов и расходов. Все без исключения материальные блага, которые получает работник, при любых его заслугах и достоинствах должны предоставляться гласно и только через механизм оплаты по труду. А это значит — никаких «спец»: распределителей, обслуживаний, дотаций — все на общих основаниях, но при соответствующей дифференциации зарплаты. Если ответственный работник за напряженный и квалифицированный труд получает 1000 рублей в месяц — это справедливо и в экономическом, и в этическом смысле. Но если при зарплате в 300 рублей он живет на 600, независимо от источника этих различий, такое положение уродует и его личность, и общественные отношения. Поэтому совершенно необходимы декларации о доходах и суровая ответственность за ложные о них сведения. В условиях, когда можно все, что не запрещено законом, порядочному человеку такая декларация не страшна. А для спекулянтов, взяточников, мафиози всех мастей она будет серьезным

нописные бюро, которые опечатывались и охранялись, как военные объекты, как источник потенциальной угрозы для общества. Для властей и четыре экземпляра казалось слишком много: неподконтрольная информация — для шпионов, что ли?..

Появление ксерокопировальной техники внесло смятение в жизнь общества, обострило у чиновников страх перед живым словом, возможностью дублирования книги, диссертации, статьи, если она не «дозволена цензурою». Немыслимые строгости регламентировали использование замечательных множительных аппаратов. Эти ограничения существуют и по сей день — и мы практически лишены в повседневном обиходе того, что давно перестало быть чудом, роскошью в других обществах, где почти ничего не стоит сделать копии с любых материалов, где уже существуют персональные копировальные машины, размером с легкий чемоданчик («дипломат»), тоже, кстати, не допускаемые к ввозу в СССР. Странно, что пропускают через границу микрокалькуляторы, ведь на них тоже можно подсчитать что-то такое, что не соответствует данным Госкомстата СССР! Однако до этого бытовая счетная техника соответствовала у нас уровню эпохи фараонов, откуда пошли наши замечательные счеты с костяшками (еще тридцать лет назад, работая переводчиком с делегациями, я заметил, как иностранцы с замиранием сердца наблюдают за действиями кассирши. Еще бы — мы были единственными, сохранившими уровень Древнего Египта, и на это стоило посмотреть!). Нынешние наши бюрократы, «исправившие» закон о кооперативах, пытаются вернуть нас к той эпохе и в издательском деле.

Пока сохраняется такая практика, нельзя изготовить печатным способом приглашение на школьный бал, визитную карточку, объявление — пусть даже и о розыске щенка. А как же тогда взывать к общественности, вести предвыборную агитацию, знакомить людей со взглядами и платформами кандидатов, обращаться к согражданам по экологическим и любым другим вопросам? Это все равно, что погрузить нас всех в воду и призвать: говори, высказывайся! Да кто же откроет рот, если тут же захлебнется в воде и утонет. Такая получается «подводная» свобода слова...

А ведь пока никем не подсчитано, во что нам обходится материально запрет на издательскую деятельность, на свободное распространение научной и любой другой информации, с какой скоростью мы отстаем от цивилизованного мира, где и счет происходит в долю секунды, и слово, знание, мнение в минимальные сроки овладевают массами. Вот и сейчас: персональный компьютер можно ввезти, а принтер к нему — ни боже мой. Так зачем тогда этот компьютер, если он, по сути, не сможет работать? Было бы принципиальнее запретить и его... При нашем фараоновом мышлении.

препятствием. В стране, в каждом ее регионе должны вневедомственной, независимой экспертизой определяться индекс стоимости жизни, его динамика. Хорошо бы иметь представления, как он выглядит в реальном сравнении с зарубежными странами — как социалистического содружества, так и «Общего рынка», и США. Стране важно знать не только из отчетов ЦСУ, но и по альтернативным оценкам, каков национальный доход и как он расходуется. Без достоверных исходных данных и небожитель академического Олимпа, и простой труженик, взыскивающий к социальной справедливости, одинаково бессильны в рассуждениях и действиях и обречены быть обманутыми.

Но что мы знаем о нашем рубле, кроме того, что нигде в мире он не интересен! Чего он стоит реально, если в зарплате он имеет одну цену, в банке — другую, в стоимости оборудования, сырья — третью, в магазине — четвертую, в зарубежной турпоездке — почти ничего не стоит. Городской и черный рынок тоже оценивают его по-разному.

Думается, что вопросы о ценах, о качестве нашей жизни должны быть предметом рассмотрения на специальном Пленуме ЦК КПСС. Они в ряду самых актуальных, активно воздействующих на поведение и умонастроения людей, их отношение к перестройке. Любая ошибка в этой области приобретает политический характер. Народ ждет честного, открытого разговора.

Порой, когда речь идет о границах гласности, о способности народа правильно воспринять всю полноту правды, вспоминают миф о Прометее. Согласно новым интерпретаторам, боги наказали его за то, что он передал тайну огня непосвященным, не готовым воспользоваться знаниями во благо. Поторопился, мол, слишком рано люди приобщились к откровению. Нет ли и для нас такой угрозы! Нет, у нас дело обстоит по-другому. И тревога у нас иная: не пришел бы свет знания слишком поздно.

ТРИБУНА «АПРЕЛЯ»

В марте этого года при Московской организации Союза писателей РСФСР был создан комитет «Апрель» («Писатели в поддержку перестройки»).

Группа писателей — членов этого комитета побывала в редакции «Горизонта». Во время беседы мы условились о сотрудничестве.

Сегодня мы публикуем программные документы комитета «Апрель» — манифест, выступление председателя временного совета лауреата Государственной премии СССР Анатолия Приставкина, обращение «Ко всем деятелям культуры и науки» и резолюции учредительного собрания.

МАНИФЕСТ КОМИТЕТА

I. ПРИНЦИПЫ

Комитет «Апрель» («Писатели в поддержку перестройки») представляет собой независимое формирование при Московской писательской организации СП РСФСР.

Побудительным мотивом объединения стала для нас тревога за судьбы перестройки. Мы глубоко убеждены в том, что Союз писателей оказался организацией, не пригодной для реального осуществления перестройки в литературном деле. Четыре года, прошедшие с апреля 1985 года, свидетельствуют об этом вполне определенно. Недаром на различных собраниях писателей-москвичей все громче раздаются голоса, что нынешний Союз писателей представляет собой, как и прежде, «министерство литературы», то есть придаток командно-бюрократической системы.

Союз писателей не принадлежит своему аппарату, как и советская литература не принадлежит только Союзу писателей.

Наша цель — поднять авторитет писателя, утерянный в годы сталинщины и застоя, заново утвердить его достоинство.

Авторитет Союза писателей продолжает падать. Не меняется стиль работы. Не отменены позорные решения об исключении из Союза писателей А. И. Солженицына и других литераторов, подвергавшихся в 60—70-е годы травле и преследованиям.

Хозяевами в СП по-прежнему остаются официальные лица, назначенные сверху. Среди них есть писатели авторитетные и не очень, честные и корыстные, но все они прошли процедуру не выборов, а подбора, утверждались на собраниях, где заранее были составлены не только списки будущих избранников, но и списки выступающих. Может ли всерьез бороться за демократизацию и плюрализм администрация, внутри которой нет ни демократии, ни плюрализма?

Механизм контроля внутри СП либо вовсе бездействует, либо его действия носят формальный характер. Недаром разного рода злоупотребления служебным положением, связанные с издательской практикой и направленные на обогащение «чиновных» писателей, были обнаружены не многочисленными ревизионными комиссиями, а журналистами.

Безусловный приоритет общечеловеческих ценностей, бескорыстное служение прекрасному — вот краеугольный камень для писателей, поддерживающих перестройку. Комитет считает: деятельность, направленная на возрождение культуры и национального достоинства, несовместима с проповедью национальной исключительности и национальной розни.

Комитет ППП «Апрель» надеется стать рупором писательского общественного мнения — писательским народным фронтом.

II. СТРУКТУРА

Высший орган комитета — общее собрание его членов. Собрание избирает сроком на один год временный совет.

Для выполнения конкретных задач, вытекающих из общих принципов комитета, создаются рабочие группы. Руководство их деятельностью осуществляют два сопредседателя в каждой. Все выборные лица комитета работают исключительно на общественных началах.

III. РАБОЧИЕ ГРУППЫ

1. **Группа прав и обязанностей писателя.** Ее задача — контроль за соблюдением демократических норм в жизни писательской организации, подготовка и проведение общих собраний комитета, активное участие в обсуждении проекта нового устава СП, а в случае необходимости — выработка альтернативного варианта. В задачи группы входит также разработка правовых мер по ограждению писателя от фактов явного и скрытого цензурного произвола.

2. **Группа «быстрого реагирования».** Ее обязанность — незамедлительно привлекать внимание к нарушениям Конституции и прав человека, а также к фактам оскорбления гражданского, профессионального и человеческого достоинства писателя. Конкретные формы таких акций утверждаются временным советом.

3. Издательская группа. Организует издательскую деятельность комитета, руководит работой «Литературного агентства», борется за гласность планов других издательств, включая списки на «Избранное» и собрания сочинений на пятилетку.

4. Группа «Пресс-центр». Осуществляет постоянную связь с прессой, радио, телевидением. Распространяет информацию о текущей деятельности комитета. Раз в месяц проводит в ЦДЛ встречи писательской общественности «Открытый микрофон».

5. Группа сотрудничества. Вступает в контакт и осуществляет совместные действия с другими творческими союзами, объединениями интеллигенции, религиозными обществами, различными общественными движениями, близкими по своим идейным устремлениям комитету «Апрель» («Писатели в поддержку перестройки»). Налаживает контакты с коллегами, живущими за рубежом, а также с писательскими организациями зарубежных стран, в том числе с Пен-клубом.

6. Группа «Казначейство». Осуществляет финансовую деятельность комитета: ведет сбор и учет членских взносов (10 руб. в год), привлекает дополнительные средства от различных фондов (включая и Литфонд), других общественных организаций, кооперативов и спонсоров.

7. Группа творческого резерва. Осуществляет контакт с молодыми авторами и литераторами — не членами СП.

IV. О ЧЛЕНСТВЕ В КОМИТЕТЕ «АПРЕЛЬ» («ПИСАТЕЛИ В ПОДДЕРЖКУ ПЕРЕСТРОЙКИ»)

Стать членом комитета может любой член Союза писателей СССР, готовый активно поддерживать программу и принципы комитета «Писатели в поддержку перестройки».

Комитет приглашает к активному сотрудничеству всех литераторов, не состоящих в Союзе писателей СССР.

Комитет «Апрель» («Писатели в поддержку перестройки»)

Манифест принят 10 марта 1989 года на учредительном собрании.

ВЫСТУПЛЕНИЕ АНАТОЛИЯ ПРИСТАВКИНА

Дорогие друзья!

Совершается событие, на мой взгляд, необычайное: впервые за всю историю Союза писателей предпринимается реальная попытка — снизу — объединить все здоровые творческие силы писателей с целью помочь союзу выйти из того кризисного положения, в котором он оказался.

Все мы понимаем, что кризис этот не случаен, он обусловлен самим возникновением и существованием Союза писателей как организации ГОСУДАРСТВЕННОЙ, ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ, созданной под личным руководством Сталина с единственной целью — надсмотра и контроля за литературой, а оружием для расправы над инакомыслием, мерилом послушания и правоверности стал в руках народившегося союза единственный провозглашенный тогда метод социалистического реализма. Писатели, не пожелавшие терпеть над собой, над своим творчеством насилия, никак не умещавшиеся в прокрустово ложе приготовленного для них соцреализма, исключались, изгонялись, а потом и репрессировались как преступники.

Еще Замятин говорил: «В других странах писателями гордятся, у нас их бьют по морде...» Это на первых порах. Потом писателей уже не били, а убивали, в смерти многих из них впрямую повинен Союз писателей. Нам надо восстановить всех погибших имена. И может быть, одной из задач будущего комитета явится, хоть это непросто, создание подлинной истории Союза писателей, как его вершителей, так и жертв. Написать коллективно такую книгу наш святой долг, во имя памяти об ушедших.

В своей нобелевской лекции Александр Солженицын говорил: «Но горе той нации, у которой литература прерывается вмешательством силы: это не просто нарушение свободы печати, это замкнутие национального сердца, иссечение национальной памяти. Нация не помнит себя, нация лишается духовного единства. Отживают и умирают немые поколения, не рассказавшие о себе ни самим себе, ни потомкам...»

Произнесено это давно, хотя сам Александр Исаевич именно для нас, для сегодняшних, сказал, если не прокричал, о своем лагерном поколении, и нам очень сегодня важно для того самого восстановления национального — памяти духовного единства вернуть Солженицына, восстановить в правах его самого и его книги, в том числе «Архипелаг ГУЛАГ». Вот и получается, что, если окинуть взглядом более чем полувековую деятельность Союза писателей, его руководства, мы убедимся, что все его силы уходили на борьбу с писателями, и среди них встречаются такие имена, как Ахматова, Пастернак, Платонов, Зощенко, Гроссман, тот же Солженицын, и многие другие. Но если даже нам удастся составить Книгу наших потерь, список жертв никогда не будет полным, ибо невозможно сосчитать, сколько загублено, изведено, споено живых талантов, даже тех из них, кто почти благополучно и неисключенно продолжил числиться в списках писателей, обреченный в то же время на тихое удушение искусственным замалчиванием и непечатанием.

Да, каждый из нас прочувствовал это многажды на себе.

Будем справедливы, наш сегодняшний союз, кажется, никого уже не исключает, не подвергает остракизму за критику и инакомыслие. Слава Богу! Но железный организм союза остался таким же, хоть и проржавевшим и делающим сбои; его главный принцип отношения к писателю как придатку этого механизма (в общем-то, сталинский принцип по отношению к народу и особенно к интеллигенции) проявляется до сих пор во всей полноте. Во главе его могут быть хорошие и плохие люди, дело уже не только в них, а в том, что союз был и остается частью общественного организма, который во многом еще сохранил структуру прошлого, она далеко не сломлена и имеет свойство самоукрепляться, даже в условиях перестройки. Мы говорим о рашидовщине и коррупции, но разве ее нет у нас, когда обогащаются одни писатели и нищенствуют другие, когда пенсионеры — известные стране литераторы — живут на крохи, а миллионер Литфонд хранит в секрете свои доходы, когда выход книжки заведомо определен положением и чином писателя, когда практически невозможно пробиться в литературу талантливой молодежи, а выборы в Московский союз давно не осуществлялись демократическим путем.

Все эти причины привели нас к мысли, что дальше так жить нельзя. Стыдно так жить и аморально, если мы еще не конченые люди, а я лично себя таковым не считаю. Возникла необходимость собраться вне секретариатов и других бюрократических посредников и самим о себе решить, как совместными усилиями изменить наш союз и помочь ему стать организацией общественной, демократической, не имеющей других задач, кроме одной: заботы о литературе.

Так возникла идея о создании нашего комитета, который бы нам помог объединиться в борьбе за демократизацию союза и демократизацию нашей общественной жизни. Мы должны выдвинуть требование

ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ, и не только для печати, а для людей искусства; люди искусства должны иметь право выдвигать любые альтернативы, помогающие перестройке и демократизации общества, если они даже не совпадают с установками партии, тем более что эти установки не раз и не два менялись.

Я думаю, что мы должны наладить отношения с другими неформальными объединениями, такими, как «Мемориал» (Союз писателей этого не сделал!), с «Московской трибуной», московским Народным фронтом, как и с Народными фронтами Прибалтики и других республик; поддержать требование об освобождении активистов комитета «Карабах», находящихся в заключении, объединить усилия с другими творческими союзами, которые, в отличие от нас, смогли преобразовать на новых началах свою творческую жизнь.

Такой я вижу деятельность будущего комитета.

От имени инициативной группы, в которую входили многие известные писатели, хочу сообщить, что группа довольно дружно провела трудоемкую работу, пусть это послужит вам примером, по организации этой встречи и по разработке манифеста — программы комитета, которая будет вам сегодня зачитана. На этом группа слагает свои обязанности и передает власть собранию. Желаем вам успеха.

КО ВСЕМ ДЕЯТЕЛЯМ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ

Обращение собрания московских писателей, учредителей независимого общественного комитета «Апрель» («Писатели в поддержку перестройки»)

Дорогие друзья!

Мы переживаем трудное и счастливое время. Мы дожили до него, провозгласившего революционную перестройку общества,— в этом наше счастье. Но осуществить демократизацию жизни — великий труд и великий долг перед будущими поколениями.

Перестройка в стране вступает в решающую фазу. Консолидация всех творческих сил становится одним из важнейших велений времени.

Мы призываем вас создать единый фронт деятелей культуры и науки в поддержку перестройки. Именно фронт, а не разрозненные фронты, в стыки между которыми уже просачивается под благовидными предлогами наше воистину проклятое прошлое. И наши авангарды снова не заметят, как окажутся в окружении, а революционные слова и формы наполнятся автократическим содержанием.

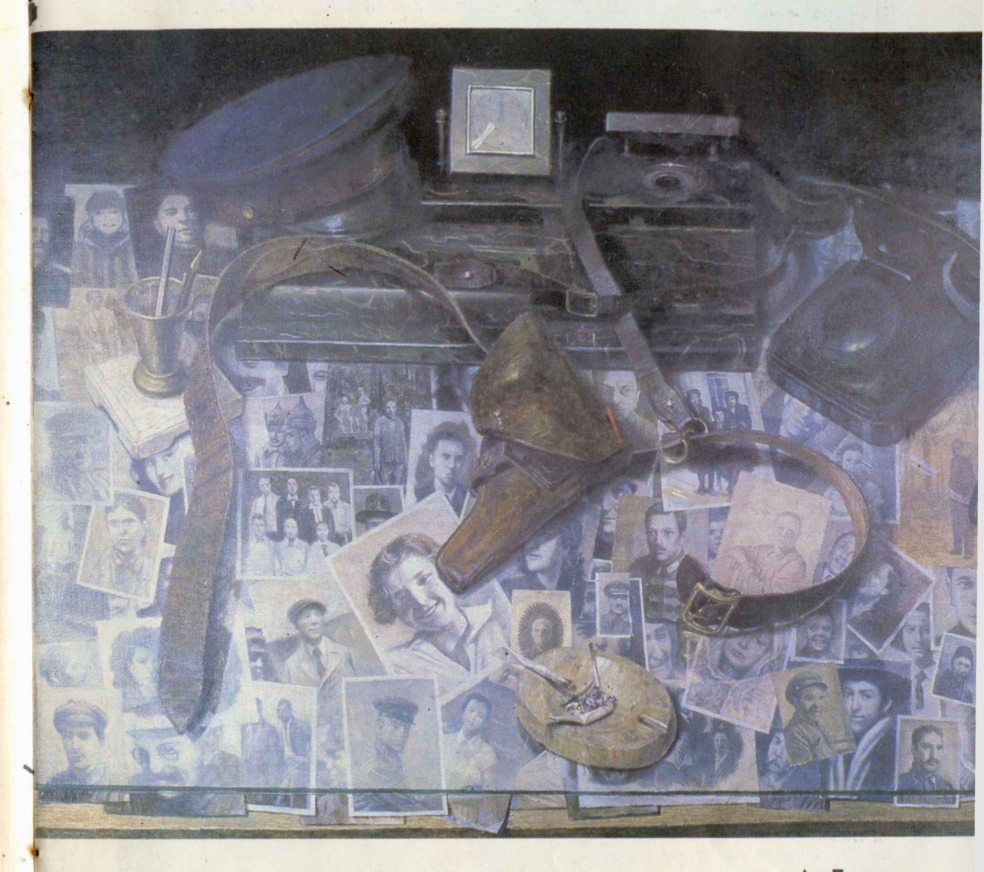
Это уже было с нами. В пятидесятые — шестидесятые годы мы упустили шанс восстановления демократических норм жизни. В двадцатые — тридцатые годы отказались от нравственных абсолютов, подменили общечеловеческие ценности классовыми и, по сути, перестали быть интеллигенцией. На нас — историческая вина.

Это не должно повториться!

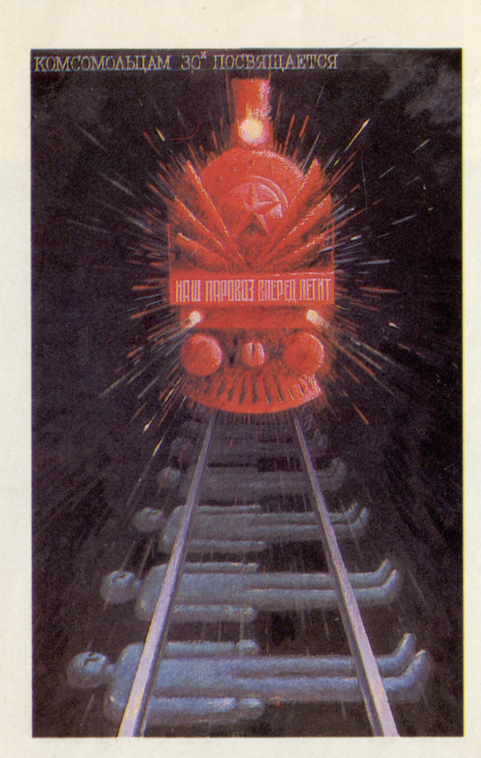
Один из залогов тому — Народный фронт деятелей культуры и науки, озабоченный всем спектром социальных и экономических проблем общества, но прежде всего его духовным состоянием.

Перестройка пробуксовывает, и не только оттого, что несовершенны политические и экономические реформы. Они, конечно, несовершенны, но общество, призванное откорректировать и реализовать их, уже не в одном поколении поражено тяжелым недугом бездуховности. А следо-

ВЫСТАВКА «ПАМЯТИ ЖЕРТВ СТАЛИНИЗМА»

А. Дудин.
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ «НАТЮРМОРТ»

К. Герайлович.
КОМСОМОЛЬЦАМ 30-х ПОСВЯЩАЕТСЯ

П. Шимес.
ВОСХОЖДЕНИЕ

вательно — безнравственности, безответственности, безжалостности и многими другими «осложнениями» этой болезни, деформировавшей человека и среду его обитания.

Мы говорим: человек в опасности, если он бездуховен. Он опасен и обществу, и самому себе. От него нет защиты, его надо лечить.

Мы это сделаем, если в обществе, открытом для правды и истины, будут восстановлены в правах абсолютные общечеловеческие ценности, если интеллигенция — не «прослойка» и не «надстройка», но цвет нации — займет свое место в социальном процессе, если наша национальная самобытность не обернется национальной ограниченностью, но соединит нас с мировой культурой, как соединили Толстой, Рахманинов, Флоренский, Шаляпин, Вернадский, Шагал и другие представители передовой русской интеллигенции.

Не надо забывать: плюрализм мнений неизбежно приведет к плюрализму действий. Поэтому главный призыв нашего учредительного собрания: давайте действовать! От слов к делу. Если не мы, то кто? Если не сейчас, то когда?

Остается сказать, что нам, причисляющим себя к интеллигенции, необходимо полностью демократизировать нашу внутреннюю жизнь. Ибо писатель и бюрократ, ученый и бюрократ, художество и начальство — понятия несовместимые.

Надо незамедлительно найти новые формы творческих объединений, исключающие только один образец — командно-бюрократический.

Любая организация хороша, если она служит выявлению творческой индивидуальности художника или ученого.

Советский человек распрямляется. Гласность и демократизация возвращают ему потерянное достоинство. Он верит свободному печатному слову, языку сцены, музыки, живописи. И тем больше, чем меньше мы будем перед ним заискивать.

Деятели искусства и науки — законные претенденты на высокое звание русского интеллигента. Мы не должны быть ни с народом, ни для народа. Мы — народ.

Из резолюций учредительного собрания

Союз писателей оказался организацией, не пригодной для реального осуществления перестройки в литературном деле. Авторитет Союза писателей продолжает падать. Комитет ППП «Апрель», суммируя общественное мнение писателей Москвы, а также других писательских организаций республик и областей, предлагает созвать внеочередной Всесоюзный съезд писателей. Выборы делегатов на съезд мы предлагаем провести на общих собраниях каждой писательской организации.

Комитет ППП «Апрель» протестует против игнорирования общественного мнения писателей и бюрократической волокиты с утверждением А. И. Стреляного на должность директора издательства «Советский писатель».

Комитет ППП «Апрель» присоединяется к требованию общественности, получившему свое отражение в многочисленных публичных — устных и печатных — выступлениях, отменить решение секретариата СП СССР об исключении А. И. Солженицына из СП СССР и снять запрет на публикацию его произведений в стране.

Комитет считает, что это решение должно быть распространено и на других писателей, исключенных в годы застоя из СП по идеологическим мотивам.

Комитет ППП «Апрель» учреждает ежегодную литературную премию «За гражданское мужество писателя». Премия присуждается один раз в год за литературное произведение любого жанра. Рассмотренные на совете представления утверждаются на общем собрании комитета.

Первая премия будет присуждена за литературное произведение, опубликованное в течение 1989 года. О присуждении премии будет объявлено в первой половине января 1990 года.

Денежный фонд премий «За гражданское мужество писателя» складывается из взносов членов комитета и общественных организаций.

Эдуард Уткин

АРЕНДА: РЕАЛЬНОСТЬ И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Коллективы десятков тысяч предприятий и организаций ломают головы, определяя свой путь дальнейшего экономического движения. Многие хозяйственные руководители решают проблему буриданова осла, так и не сумевшего выбрать между двумя охапками сена. Первая модель. Вторая модель. Еще какая-то модель. На чем остановиться?

Определимся сразу: и первая, и вторая модели ничем себя не проявили. В обоих случаях вожжи — нормативы — остаются в руках министерств. Куда они правят, туда и идти.

Так где же она, экономическая раскованность и самостоятельность?

Не все, однако, так мрачно.

В преддверии XXI века в чудеса никто уже не верит. Но чем не чудо: предприятие, долгие годы находившееся в долговой яме и веригами висевшее на шее государства, вдруг дает солидные прибыли. При прежнем составе работников, том же оборудовании, с той же продукцией и ценой на нее. Чудо это — арендный подряд, одна из самых перспективных форм социалистического хозяйствования.

Общеизвестно, что многие предприятия уже не один год работают на хозяйственном расчете, реальность, однако, такова, что весомых экономических результатов стране это еще не принесло. Тысячи производств, в том числе многие столичные, по-прежнему характеризуются низким уровнем экономической деятельности, слабым руководством, неумением эффективно использовать производственные мощности, отсталой организацией труда, морально устаревшими основными фондами, неудовлетворительным качеством продукции. Провозглашенный переход на первую и вторую модели хозрасчета, как и внедрение самофинансирования, не стал действенным рычагом перестройки экономики. Система стимулов в обоих случаях полностью не сработала. По сути, не реализовался остаточный принцип формирования фонда заработной платы. Ведь исходят из базового, сложившегося ранее ее фонда с небольшим приростом за счет наращивания производства. И ныне одной из актуальнейших проблем становится отказ от нормативов, жестко регламентирующих стимулы. Все более очевидно, что конкретные и быстрые результаты могут быть достигнуты только при переводе наших предприятий на арендный подряд. Изюминка состоит в том, что коренным образом меняется отношение к труду.

При безнормативном хозрасчете из общего дохода вносятся твердо определенные платежи в госбюджет, банк и вышестоящие органы, а остальным распоряжается только сам коллектив. Средняя зарплата работника не лимитируется, а индивидуальная определяется либерально-прогрессивным налогом. Есть опасность: когда «потолок» заработной платы не ограничивается, возможно использование коллективом заработанных средств прежде всего на оплату труда, а не на развитие и техническое перевооружение производства, решение социальных вопросов. И невооруженным глазом видно, что такой путь прямо ведет к усилению инфляции.

Иное дело при аренде, когда разбухание фонда оплаты труда в ущерб решению других проблем регулируется самими условиями подряда. Аренда, что называется, тащит производителя за рукав на рынок: давай больше высококачественных товаров и услуг, стремись на внешние рынки. Экономика становится сферой проявления коллективной и личной инициативы.

Конкуренция производителей... Демонополизация... Слова-то какие! Как их нам не хватало! Ведь ясно: если мы хотим лучше использовать преимущества социализма в современной обстановке, во многих случаях внедрению аренды разумной альтернативы нет. Разумеется, аренда — не панацея от всех бед. Эта прогрессивная форма хозяйствования в одних случаях окажется единственным лекарством, а в других может не сработать. Но перестройка, как добрая хозяйка, старательно разбирает завалы «застойных» проблем. Каждый коллектив может и призван применительно к своим особенностям подбирать себе такую экономическую модель, которая ему «по размеру». В полной мере, конечно, сохраняется централизованное начало — использование государственного заказа, льготное кредитование, налоговые, амортизационные, валютные, таможенные, снабженческие и иные регуляторы, государственные субсидии и дотации. Но государственное централизованное регулирование существенно трансформируется. Приказные методы «списываются в утиль»; экономические призваны направлять интерес производителя на приоритетные с точки зрения общества цели.

Сегодня головная боль экономики — противозатратный механизм. Так вот, арендный коллектив живет не за счет дотаций, а благодаря своей прибыли. Конечно, в условиях дефицита товаров и услуг прибыль можно грести из кармана покупателя, завышая цены. Аренда же исходит из государственных цен, подталкивает коллектив в первую очередь на увеличение объемов производства в натуральных показателях. Пополнение денежного мешка обеспечивается прежде всего быстрым ростом объема товарной продукции, а также снижением затрат на ее производство и реализацию.

Аренда настойчиво стучится в дверь как более совершенная модель хозрасчета. Уже накопилось немало веских аргументов в ее пользу. Она в корне меняет производственные отношения, помогает быстрее вытеснить административно-командные методы управления, укрепить у работников чувство хозяина. Одно из главных достоинств арендных отношений в том, что они позволяют довести хозрасчет до каждого участка, бригады, рабочего места, соединить воедино интересы личности, коллектива, всего общества.

Только в Московской области на арендном подряде уже работают свыше 270 промышленных и строительных коллективов. Аренда завоевывает все новых сторонников практически во всех отраслях. До последнего времени это дитя перестройки не имело прав гражданства: не было целостной концепции арендных отношений, ясности их социально-экономических последствий; не сложились общие подходы к

Э. А. Уткин — доктор экономических наук, профессор Высшей школы профдвижения ВЦСПС.

определению порядка исчисления арендных платежей и налогообложения доходов предприятий. Сейчас, наконец, уже можно говорить об отработке основных принципов и механизмов функционирования производственных коллективов в условиях арендных отношений.

Полный или частичный переход государственных предприятий на арендный подряд явился исключительно действенным рычагом их финансового оздоровления. На эту форму хозяйствования переходят прежде всего мелкие и средние производства, а на крупных предпочитают сдавать в аренду отдельные цеха, подразделения.

Государство, сдавая то или иное предприятие в аренду, получает в виде арендной платы амортизационные отчисления на полное восстановление основных фондов, на капитальный ремонт и часть средств на текущие расходы, связанные с содержанием сданного в аренду имущества. В государственную казну от арендатора поступает также часть прибыли. Все затраты осуществляет коллектив-арендатор, мобилизуя средства, вырученные от реализации продукции и услуг.

Обратим внимание: арендная плата устанавливается на ряд лет в строго определенных суммах (обычно с нарастанием, которое взаимно согласовано); стабильны и отчисления в госбюджет. Коллектив становится полновластным хозяином всего, что заработано, за вычетом платежей. Этот принцип понятен каждому. Впервые экономика становится сферой творчества.

Путь первооткрывателей далеко не всегда устлан розами. Это в полной мере ощутил родоначальник арендного подряда — комбинат строительных материалов в подмосковном Бутове. Тем не менее после года работы в новых условиях результаты получились самые вдохновляющие. Численность коллектива не изменилась. Цены на выпускаемую продукцию установлены государством стабильно. Мощности предприятия загружены полностью. Производство товарной продукции увеличилось на 30%, прибыль возросла в 2,3 раза. Годом раньше кирпичное производство принесло комбинату 170 тысяч рублей убытков, а теперь накопилось около 80 тысяч рублей прибыли. Коллектив стал реальным владельцем оборудования, зданий. За короткое время работы по-новому бутовцы вложили в реконструкцию основных фондов, взятых у государства в аренду, более 600 тысяч рублей. Идет оснащение новейшей технологией, включая электронику и промышленные лазеры.

Успехи аренды сделали возможным превращение Бутовского комбината стройматериалов в фирму «Бутово», в которую вовлечен целый ряд самостоятельных арендных предприятий, включая строительные и проектные. Намного расширился диапазон возможностей совместных действий. Создается свой акционерный кредитный банк. Опыт «Бутова» убеждает, что животворный корень аренды — человеческий фактор. Усилия коллектива сосредоточиваются на том, чтобы полнее реализовать все его слагаемые, особенно материальную заинтересованность, прямую связь размера оплаты и других благ с реальным трудовым вкладом каждого работника, создание благоприятных условий для труда и хорошего морального климата в коллективе.

Арендные отношения развиваются и вширь и вглубь, захватывая в свою орбиту коллективы самых разных хозяйственных сфер.

Именно в арендном подряде нашел выход из трудностей коллектив пассажирского автотранспортного предприятия в подмосковном городе Видном. Здесь работает 600 человек. На балансе предприятия 130 автобусов, 70 легковых машин, 20 грузовиков. И из года в год это хозяйство приносило стране по 500 тысяч рублей убытков. Взяв в объединении Мособлпассажиравтотранс предприятие в аренду на 12 лет, транспортники обязались к 1991 году стать рентабельным хозяйством. Но благотворность этого шага стала очевидной сразу. Производительность труда выросла на 28% и зарплата — на 12%.

Опыт этот столь показателен, что не грех остановиться на нем подробнее. Коллектив ныне «и швец, и жнец, и на дуде игрец»: будучи арендатором, он сам сдает в субаренду водителям подвижной состав. Результат налицо: если еще недавно содержание автобуса обходилось в 300 рублей в месяц, то теперь, когда резину, запчасти, масло, топливо шофер покупает у предприятия за свои наличные, затраты уменьшились вдвое. И таксисты уже не форсируют скорость езды. 70 км в час для машины скорость оптимальная, да и износ меньше, и бензин не так расходуется. Стало меньше и аварий. Даже плакаты, призывающие к бережливости, сняли со стен: зачем они, когда работают экономические регуляторы, а они несравнимо действеннее. Как только водитель за ремонт стал платить из своего кармана, исчезли приписки в платежных документах в ремонтных мастерских. А у ремонтника своя выгода: по пустякам его не беспокоят, мелкие поломки водитель устраняет сам. Когда же без квалифицированного мастера не обойтись, халтуры не будет, потому что повторный ремонт — бесплатный. И еще. Чем реже обращаются к ремонтнику шоферы с предприятия, тем больше времени у него остается на обслуживание частника (такое разрешено, когда нет «штатных» клиентов).

А что с оплатой управленцев? Зарплата работников аппарата не постоянна. Начисляется она просто: из 1000 равных долей, на которые делится единый фонд оплаты труда предприятия (в зависимости от хозрасчетного дохода он меняется из месяца в месяц), 300 выделено аппарату управления. Чем меньше в нем работников, тем больше долей приходится на каждого. Такая экономика ведет аппарат к сокращению, более эффективному труду и поиску путей увеличения хозрасчетного дохода. А доходы таксистов? Субарендные платежи — заранее оговоренные твердые суммы. Остальное, включая чаевые,— собственность таксиста.

Аренда активно стимулирует поиск. Поразмыслив, транспортники нашли другие статьи доходов: услуги населению. Предприятие моет, чинит, красит личные автомобили граждан, выполняет самые разные заявки предприятий и организаций.

Появилась возможность реализовать многие ранее не разрешимые проблемы, например, такую, как эксплуатация машин с бо́льшим пробегом. Прежде работать на старых «Волгах» (не говоря уже о «Москвичах») на предприятии напрочь отказывались. План и на новенькие, и на видавшие виды машины спускался одинаковый. Ныне фиксированные арендные платежи зависят от пробега автомобиля: за работу на новой машине платишь значительно больше, чем на старой. С хорошей нагрузкой используются теперь все машины. А что касается водителей «Москвичей», то для них введен порядок: проработав на новой машине три года, они вправе приобрести ее в личное пользование за 40% стоимости. Каждый шофер за пределами госзаказа сам себе хозяин: сам определяет режим работы (водитель автобуса, например, может организовывать новые маршруты, вводить дополнительные виды услуг и т. д.); он вправе требовать уплаты штрафа администрацией, если она не обеспечила выполнение обозначенных в договоре условий для работы. И прецеденты уже есть.

Одно ограничение для водителя: он не может быть за рулем больше 12 часов.

Аренда в моде. На арендный подряд переходят заводы и колхозы, рестораны и леспромхозы, НИИ и службы быта, отдельные участки и целые районы. Еще недавно никто не мог бы предположить, что всего за год работы в условиях аренды прежде убыточные московские предприятия общественного питания станут прибыльными. Скажем, трест столовых Кировского района столицы, который в 1986 году получил 160 тысяч рублей дотации, в 1988 году имел 252 тысячи рублей прибыли.

Творит хозяйственные чудеса находящийся на арендном подряде подмосковный строительный коллектив «Ока». Производительность одного работника здесь в 4 раза выше, чем на государственных предприятиях, и общие показатели даже более высокие, нежели у иностранных строительных фирм, осуществляющих работы в нашей стране.

Но так ли уж легка и пряма дорога к аренде?

Автору этой статьи довелось участвовать в переводе на аренду одного из цехов московского завода «Красный пролетарий». Тщательное изучение положения привело к выводу, что коллектив цеха к переходу на арендный подряд не готов. Здесь нет внутрибригадного хозрасчета, хозрасчетных бригад. Да что цех! На заводе не установлены хозрасчетные отношения между цехами и службами, цехами и администрацией. Большинство рабочих и специалистов не имеет точных плановых заданий, не знает, какие показатели отчитывают коллективу. Лишь меньшинство работников бригад представляет, за выполнение каких показателей бригаде начисляются заработная плата и премии. Немногие работники имеют реальное представление о смысле и содержании новых условий хозяйствования. Немало работников почерпнуло сведения обо всем этом из газет и других средств массовой информации.

Анализ дел позволяет сделать вывод, что аренда здесь должна эволюционировать по следующим ступенькам:

внедрение реального хозяйственного расчета в цехе, образование хозрасчетных бригад;

внедрение внутризаводской аренды, перевод всего коллектива цеха на хозяйственный расчет, установление хозрасчетных отношений с другими взаимосвязанными подразделениями предприятия;

переход всего коллектива на арендный подряд.

Этот подход и реализуется на практике.

Арендные отношения активно содействуют решению и социальных проблем, по крайней мере в двух направлениях. Прежде всего прак-

тически во всех арендных коллективах значительно быстрее и масштабнее, чем раньше, решаются вопросы улучшения условий труда и быта, в частности проблема жилья, ускоренно формируется социальная инфраструктура коллектива. С другой стороны, ликвидация убыточности, повышение рентабельности увеличивают доходы арендных предприятий и отчисления от прибыли в бюджет. Пополнение же бюджетов, прежде всего местных, куда ныне должна идти значительная доля прибылей арендных предприятий, открывает возможность расширения бюджетных инвестиций в социальную сферу.

Обратимся к опыту Бутовского комбината строительных материалов. Этот коллектив уже пользуется такими благами, которых нет у коллег по отрасли. Так, по решению совета трудового коллектива на наиболее тяжелых производственных участках (кирпичный цех, транспортное, жилищно-коммунальное хозяйство) введена 40-часовая рабочая неделя, причем без потерь в оплате. А результат? Производительность труда здесь не только не уменьшилась, но даже возросла.

Не всегда в своих действиях коллектив руководствуется «его величеством рублем». Так, пока ни одно рабочее место в административно-управленческом аппарате не сокращено: коллектив посчитал, что важнее иметь доброжелательную атмосферу, уверенность людей в завтрашнем дне, чем сиюминутную экономию. А с ростом производства и потребности в кадрах проблема разрешается сама.

Или такое проявление заботы о человеке: бутовцы освоили гибкий график выхода на работу. Вопрос, кому в какое время удобнее трудиться, решается на уровне бригад, даже звеньев. Главное — отработать необходимое количество часов в месяц. Люди, заинтересованные в эффективном труде и соответствующем заработке, сами себя «контролируют». Отпала проблема опозданий, прогулов.

Каких еще социальных благ добился арендный коллектив? Рабочие Бутовского комбината получают перед отпуском лечебное пособие, ветераны труда освобождаются от платы за квартиру, от подоходного налога; улучшилась работа столовой предприятия. Построена для трудящихся сауна, на территории комбината возводятся спортивный комплекс с бассейном и двумя теннисными кортами, кабинет психологической разгрузки. В цехах оборудованы комнаты отдыха.

Обращает на себя внимание и опыт объединения «Раменский приборостроительный завод», действующего на основах полного хозрасчета, самофинансирования с элементами аренды. На предприятии одна из самых низких в отрасли заболеваемость работников. Потери рабочего времени из-за болезней только за 1988 год сократились на 12%. Любопытен такой штрих: в новогодние выходные дни тысячи работников предприятия выходили на «лыжню здоровья». Тот, кто за сезон прошел на лыжах больше 300 километров, получает в дополнение к «тринадцатой» зарплате десятипроцентную, а тот, кто не курит и не болеет, пятнадцатипроцентную надбавку.

На переходном мосту к аренде многие коллективы испытывают большие денежные затруднения: своя копилка пока пуста. Опыт подсказывает такую возможность решения проблемы самофинансирования и аренды, как использование привлеченных акционерных средств путем выпуска и реализации акций.

Поразмышляем: какова цель создания акционерного общества? Если предприятие берет в банке ссуду, оно возвращает ее с немалыми процентами. А если одолжить деньги не в банке, а у своих же работников, хранящих на сберкнижках в совокупности миллионы рублей? Людям покупка акций у предприятия выгодна, так как сбербанк выплачивает за вклад меньший процент, чем акционерное общество. Ведь деньги, мобилизованные за счет продажи акций, остаются в том же коллективе. Предприятие быстро пускает их в оборот, стремясь использовать максимально эффективно. Так, акционерное агропромышленное общество «Верея» действует на основе 100-процентной рентабельности!

Как правило, акции продаются прежде всего лицам, работающим в арендных коллективах. Опыт показал, что главное здесь — непосредственное участие пайщиков в работе коллектива и прямая зависимость оплаты труда от конечных результатов деятельности предприятия в целом. Безадресное привлечение личных сбережений, как убеждает практика, оказалось экономически малоэффективным. Именно так поступил, в частности, коллектив Московской хлопчатобумажной фабрики имени М. В. Фрунзе, взявший предприятие на арендный подряд и обеспечивший вовлечение личных вкладов арендаторов в оборотные средства предприятия.

На Бутовском комбинате предстоит выпуск акций на всю стоимость вновь созданных основных фондов. Контрольный пакет (51%) сохраняется непосредственно на предприятии. Оставшаяся доля распространяется среди рабочих и специалистов комбината. Коллектив «Бутово» намерен перезаключить договор аренды непосредственно с органом Советской власти — Мособлисполкомом с возможностью выкупа всех основных фондов по остаточной стоимости. Предполагается ввести при этом систему налогообложения уже не комбината, а фирмы «Бутово», то есть всей группы предприятий, работающих на арендном подряде. Большая часть налога (70%) будет перечисляться местным органам власти.

Коллективы, функционирующие на условиях аренды, стремятся иметь свой коммерческий банк для лучшего кредитного и расчетно-кассового обслуживания. Сеть подобных рабочих банков быстро расширяется. Такой банк создан на «Московском заводе низковольтной аппаратуры», действующем ныне как кооперативное предприятие и уплачивающем министерству арендную плату. Вкладчикам — всем работникам предприятия — дано право получать 6% годовых от суммы вклада. 80% всех средств банка постоянно находится в обороте.

Взрывной эффект аренда дает сразу за счет новой дисциплины и организации труда. Но затем, после того как достигаются первые успехи и соответственно быстро растет прибыль, идущая на удовлетворение самых насущных нужд предприятия, особое внимание уделяется техническому обновлению производства.

Многие арендные коллективы связывают свои планы коренного улучшения хозяйствования с привлечением западных оборудования и технологии. Но здесь возникает «больной» вопрос: где взять валюту? Ведь при аренде приходится рассчитывать только на свои силы. Нынешняя внешнеэкономическая практика знает немало ответов. Прежде всего речь идет о компенсации продукцией. Далее — кредитный заем. Наконец, совместное предприятие, в том числе с выходом на внешний рынок, что обеспечит дополнительный приток валюты.

Огромную роль для становления подрядных отношений сыграло постановление Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций». С 1 апреля 1989 года предоставлено право непосредственного осуществления экспортно-импортных операций всем предприятиям, продукция которых обладает конкурентоспособностью на внешнем рынке, на основе валютной самоокупаемости.

Трудно даже представить всю палитру открывшихся возможностей. Оказалось, в частности, что зарабатывать валюту можно не только за счет вывоза товаров и услуг за рубеж. Скажем, в целях повышения заинтересованности советских строительных и монтажных организаций, в том числе арендных, в приобретении иностранной валюты им разрешено участвовать в торгах на сооружение в нашей стране объектов, на строительство которых выделена иностранная валюта. Так, арендный строительный коллектив «Ока» выполняет работы по ремонту здания для совместного советско-французско-итальянского предприятия «Интер-Квадро». За это он получит французский компьютер.

Находящиеся на аренде предприятия все чаще проявляют заинтересованность в создании совместных с зарубежными фирмами предприятий, международных объединений и организаций. Возможности здесь поистине безграничны. Московский завод низковольтной аппаратуры заключил с французской фирмой «Универсал» договор о создании совместного предприятия, которое будет оказывать услуги по автосервису иностранным гражданам. Намечено построить гараж, укомплектовать его автомобилями отечественных и импортных марок и предлагать их в прокат зарубежным гостям, находящимся в столице.

Успех аренды во многом предопределяется развитием социалистической конкуренции. Хозяйствование по-новому далеко не всегда протекает гладко. Работа каждого оценивается по его реальному труду,

конкретному и точному вкладу в общий котел. Приходится гласно признавать: один способнее, старательнее, потенциал и соответственно вклад другого меньше... Поначалу хозрасчет и аренда могут портить взаимоотношения в коллективе. Да и работать становится труднее. Главное в аренде — совершенствование методов работы, а здесь приходится, что называется, поворачиваться...

Рассмотрим ставшую уже обычной ситуацию: цех завода переходит на арендный подряд, производительность труда и заработки в этом цехе удваиваются и утраиваются. И заработок, и раскрепощенный труд привлекают. В арендный цех рвутся работники других подразделений. Возникает конкуренция. Еще энергичнее она протекает между разными производителями...

А почему, собственно, это должно нас настораживать? Мы привыкли трактовать конкуренцию так: «это — когда один съедает другого». Привыкли к тому, что-де конкуренции при социализме быть не может. Но времена нынче иные. В современном понимании социализм без здоровой конкуренции просто немыслим. Да и обязательно ли при конкуренции должна «литься кровь»? Заглянув в «Толковый словарь» Даля, мы обнаружим, что конкуренция — это «соперничество или состязание... соревнование на каком-либо поприще... борьба за достижение лучших результатов». Вот так.

Только сейчас появились основы для конкуренции, поскольку при аренде рабочий человек реально работает, имея в виду свой личный интерес, а не спущенный сверху план. Когда труженик становится подлинным хозяином средств производства и получаемого дохода, у него проявляется предприимчивость. Вот тогда он полностью реализует свои силы, знания и способности; тогда он будет эффективно конкурировать, скажем, на рынке госзаказов, где решающим фактором является результативность хозяйствования.

Переход экономики на полный хозрасчет, на арендный подряд, формирование оптовой торговли, мощного рынка, новый хозяйственный механизм в целом формируют условия для конкуренции на всех уровнях. Без конкуренции, естественного регулятора цен на рынке, новый хозяйственный механизм просто не будет действовать. И опасаться ее нечего. Ведь движущая сила конкуренции при социализме состоит не в достижении максимальной прибыли любой ценой, а в конечном счете в том, чтобы лучше удовлетворить потребности коллектива, всего народа.

К сожалению, далеко не все в нашей жизни бывает гладко и празднично. Даже в таком живом деле, как перестройка, что-то обюрокративается, заформализовывается; нередко искусственно создаются препоны новому. Отраслевые, другие административные органы прямо-таки душат народную инициативу, рожденную перестройкой. Так, по условиям арендного договора министерства обязаны обеспечить трудовым коллективам все условия для эффективной стабильной деятельности. В случае срыва министерство несет за это материальную ответственность, что прямо и непосредственно влечет снижение зарплаты работников министерского аппарата, не обеспечивших вовремя выполнение условий договора. К сожалению, в большинстве случаев пункт об ответственности министерств сформулирован в договоре не очень отчетливо, и ее по сути нет.

Почему же ведомства часто тормозят, а порой просто игнорируют арендные отношения? Не потому ли, что при них придется, как Министерству промышленности стройматериалов СССР, серьезно подумать о месте ведомства в новой системе хозрасчетных отношений сверху донизу? Но зачем это делать, рассуждают там, если на насиженных местах тепло и уютно?! И зарплата хорошая, и на голову не каплет.

С другой стороны, задержка в переходе на полностью самостоятельное хозяйствование, на арендные отношения побуждает производственные коллективы «придерживать» резервы, не спешить, как говорится, раскрывать все свои карты.

Бесспорно, успехи аренды были бы намного больше, если бы не яростное сопротивление командно-бюрократической пирамиды, для которой широкое развитие арендных отношений может служить последним звонком. Поэтому главное сейчас — не дать административной системе выхолостить саму суть подлинно экономических методов хозяйствования.

При массовом переходе на аренду и ее успехе роль тормозящей ее ведомственной надстройки сойдет на нет. Уже сейчас арендаторы настойчиво ставят вопрос о том, чтобы перечислять арендные платежи не министерству или ведомству, а в бюджет местных органов Советской власти, что особенно актуально в связи с переходом регионов на самофинансирование. Это правильно и потому, что министерства и ведомства не являются собственниками средств производства, а по Закону о государственном предприятии средства производства как общенародная собственность переданы во «владение, пользование и распоряжение» трудового коллектива. Арендодателем поэтому должны выступать народная власть, ее органы, а на уровне предприятия по отношению к коллективам подразделений и участков — весь коллектив предприятия. Орган рабочего самоуправления — совет трудового коллектива определит порядок и условия аренды.

Нередко широкое внедрение аренды тормозит и администрация предприятий, так как арендные отношения стимулируют сокращение управленческого аппарата и на заводах, фабриках.

Чтобы разрушить роскошную крону бюрократического древа, надо подорвать его корни. Тогда предприятия обретут подлинную свободу, от чего выиграет вся наша экономика. Свободное приобретение всего необходимого для нормального хозяйствования на рынке средств производства, а не распределение по талонам и карточкам — главная предпосылка успеха передовых форм хозяйствования. Не случайно самые современные формы аренды опираются на те ресурсы — денежные, материальные, валютные,— которые коллективы мобилизуют сами, не прибегая к ресурсам государства даже в заемной форме.

Новый импульс развитию арендного движения как прогрессивной формы социалистического хозяйствования сообщают принятые недавно указ Президиума Верховного Совета СССР «Об аренде и арендных отношениях в СССР» и постановление Совета Министров СССР «Об экономических и организационных основах арендных отношений в СССР (см.: Правда. 1989. 9 апреля).

В нашей экономике пока немало болевых точек. Целый консилиум ученых-экономистов еще не определил оптимальную программу ее оздоровления. Радикальная перестройка народного хозяйства не сразу обрела четкое направление. Теперь курс стал отчетливее. Главное — не свернуть с него.

Лев Копелев

ЧЕМУ ИСТОРИЯ НАУЧИЛА МЕНЯ

Сегодня в этой рубрике «Горизонт» знакомит читателей со статьей Льва Зиновьевича Копелева.

Имя этого писателя, публициста, переводчика, активного участника правозащитного движения, долгие годы у нас либо замалчивалось, либо появлялось на страницах печати в сопровождении площадной брани. Под пером заказных журналистов (чаще всего скрывавшихся под псевдонимами) Копелев — участник войны, офицер, орденоносец — оказывался чуть ли не гитлеровским пособником, клеветником на Советскую Армию; Копелев — узник сталинского ГУЛАГа — человеконенавистником; Копелев — отважный заступник за всех преследуемых и осужденных неправедным судом — «Иудой в роли Дон Кихота»; Копелев — интернационалист и гуманист — платным агентом западных спецслужб, и т. п.

За статью «Возможна ли реабилитация Сталина!» Копелев в 1968 году заочно был исключен из партии. Его прекратили печатать; в 77-м исключили из Союза писателей; в 80-м вынудили уехать за границу и следом лишили советского гражданства.

Столпам застоя и их оруженосцам казалось, что этим, прямо говоря, подлым актом в «деле Копелева» поставлена точка: покончено с еще одним возмутителем спокойствия. Но время показало, что это не так: слово писателя продолжало звучать и волновать умы соотечественников, его вера в необходимость и неизбежность демократических перемен в нашей стране, в гласность, в торжество правды не иссякла; а то самое охраняемое спокойствие, рассчитанное на столетие, оказалось мнимым, ложь — не всесильной.

«...Я твердо убежден, что для всех народов моей страны и тех стран, чья история мне знакома, жизненно необходимы законы, безоговорочно охраняющие безопасность и права всех людей и каждого отдельного человека. Действительное соблюдение таких законов немыслимо без настоящей гласности, настоящей свободы слова. А настоящая свобода означает свободу и для инакомыслящих, инаковерующих.

Без таких законов, без гласности и нетерпимости не может быть здорового общества и не может быть предотвращена ни одна из гибельных угроз, нависших над всем человечеством.

Этим убеждением определяется все, что я пишу и говорю». Слова эти были произнесены в 1977 году!

И не случайно поэтому Лев Копелев одним из первых среди наших соотечественников на Западе заявил о своей солидарности с начавшейся в стране перестройкой. Его сегодняшняя деятельность по налаживанию оборванных или ослабленных связей советской культуры с зарубежным миром не может не вызывать у нас уважения.

Равно как и злобы у тех, кто не оставил мечты о возврате к прошлому. Для них Копелев по-прежнему «платный недруг» (см., например, статью С. Рожновского в газете «Советская Россия», 1988, 21 декабря; а также протест против этой статьи во 2-м номере «Огонька» за этот год, подписанный Ф. Искандером, Ю. Карякиным, В. Корниловым, А. Сахаровым, Л. Чуковской и многими другими).

Публикуемая здесь статья Льва Копелева «Чему история научила меня», дает, по нашему мнению, достаточно яркое и внятное представление о взглядах и позиции автора. Находясь весной этого года в Москве, Лев Зиновьевич просмотрел гранки статьи и подписал их без каких-либо изменений...

1

Трудно передать чувства, которые испытываешь, узнавая, что где-то незнакомые люди читают, обсуждают написанное тобой. Каждый читательский отклик всегда интересен. Тем, кто откликнулся добрым словом на мою книгу «Хранить вечно» (1976), я сердечно благодарен. Однако понимаю, что одобрение вызывается прежде всего темой, известной новизной материала. Поэтому и самые похвальные отзывы не вызывают у меня самодовольства. А самые суровые литературно-критические суждения я принимаю безропотно. Со многими из них согласен. Однако в тех случаях, когда из моей книги вычитывают или в нее «вчитывают» такое, чего там нет и не может быть, я вынужден возражать.

Предварительная публикация отрывков в журнале «Цайт-магазин» (№ 8—16, 1976) меня вначале обрадовала — я люблю газету «Ди Цайт». Но вскоре эта радость сменилась огорчением. Отрывки были так выбраны и смонтированы, снабжены такими сенсационно-газетными подзаголовками и так проиллюстрированы, что приобретали смысл и звучание, по-моему, далекие и чуждые тому, что я писал.

Об этом свидетельствовали и некоторые читательские письма, приведенные журналом. Клаус Бельде из Бохума призывал «похоронить яд» и не «бередить старых ран». Фредерика Вюнш из Ольденбурга печально спрашивала: «Что ж мы хотим — всегда противопоставлять ненависть ненависти?»

Читать это было тем более горько, что я не мог не признать — их упреки оправданы характером публикации.

Многие немецкие читатели — если судить по значительному большинству рецензий — увидели главный смысл книги в главе о Восточной Пруссии: бывший советский офицер сам рассказал о жестоких бесчинствах, которые творили его товарищи. Однако эта глава — только часть книги (42 из 729 страниц русского и 43 из 615 страниц немецкого издания). Такая субъективная «аберрация» восприятия естественна именно у немецких читателей. Но противоестественно, когда кое-кто пытается навязывать моей книге роль защитного свидетельства в безнадежном процессе реабилитации нацистской империи и нацистского вермахта.

Неужели слепая жестокость мстителей и преступления тех негодяев, которые своекорыстно притворялись мстителями, могут оправдать или даже только ослабить вину преступников, чьи злодеяния возбудили жажду мести, служили аргументами для самых беспощадных проповедников расплаты?

Тогда, зимой 1945 года, многие в нашей армии были возмущены и потрясены так же, как я, и не менее решительно осуждали мстительную ярость и другие низменные инстинкты, возникшие у иных солдат за четыре года войны на всех путях от Волги до Одера, и жестокие страсти, высвобожденные в угаре победного наступления. Многие противодействовали насилиям и мародерству куда более успешно, чем я. В моей книге приведены (хотя, может быть, недостаточно подробно) конкретные примеры такого противодействия, которое оказывали и рядовые солдаты, и маршал Рокоссовский.

События в Восточной Пруссии стали рубежными, переломными в моей судьбе. Но ведь не только они, а еще и другие обстоятельства привели меня в тюрьму, в лагеря и много лет спустя побудили писать.

На протяжении полутора десятилетий я вспоминал и записывал воспоминания о разных событиях моей жизни. Пока лишь часть этих записей стала книгой, которая возникла вовсе не потому, что я хотел оправдываться или жаловаться на злоключения.

Прежде всего я должен был рассказать правду своим детям и внукам, своим соотечественникам, моим ровесникам, правду о том, как мы жили, что мы действительно думали и чувствовали в пору самых трудных, самых противоречивых и самых жестоких испытаний нашего народа.

«Мы дети страшных лет России / Забыть не в силах ничего». Эти слова великого поэта Александра Блока стали эпиграфом-девизом для всего, что я написал. Исповедуясь, объясняя себе и другим, что же происходило со мной и со мне подобными в те годы, я хотел рассказать еще и о мучениках, жертвах нашей жестокой эпохи, память о которых могла бы исчезнуть бесследно. Хотел поблагодарить всех добрых людей, которых мне посчастливилось встретить. И хотел назвать негодяев.

Слово — единственное допустимое для меня оружие и в борьбе идей, и для личного возмездия.

Первоначально я не собирался публиковать ничего при жизни и уж менее всего за рубежом, на других языках. Когда я все же решился на то, чтобы издать ту часть воспоминаний, которая стала книгой «Хранить вечно», то лишь потому, что надеялся: она поможет взаимному пониманию и сближению людей, разделенных противоборствующими идеологиями, государственными границами и национальными и классовыми предрассудками. Сейчас я более всего хочу того же, что и Фредерика Вюнш из Ольденбурга, хочу помогать всем, кто стремится прерывать «цепные реакции» ненависти, безысходные мстительные расчеты взаимных обид, кровавые иски племенной вражды.

Поэтому особенно неприятны мне те отклики, в которых явственны прямо противоположные стремления. Так, например, автор одного пространного читательского письма надеется, что моя книга поможет тому, чтобы заговорили «не только о великой **немецкой** вине» (подчеркнуто автором письма). Он же раздраженно упрекает Генриха Бёлля, который в послесловии «не мерит все стороны одною мерой», а, дескать, поддерживает «сказку о мнимом немецком нападении на мирный Советский Союз в 1941». Это же письмо и некоторые рецензии (например, в «Вестпройсе» 5 июня 1976) утверждают, что я умалчиваю о «польских националистических массовых преступлениях, обращенных против невинных людей из немецкого национального меньшинства в Польше», и ошибочно переадресовываю их, переиначиваю в «немецкие преступления».

2

Прежде чем возражать на такие упреки, я считаю нужным определить принципиальные различия в толковании некоторых общих понятий.

Когда речь идет о понятиях «нация» и «государство», «личная и коллективная вина», то иногда люди самых разных и даже взаимно враждебных идеологий рассуждают почти одинаково Так, например, шовинисты разных наций и доктринеры разных партий склонны отождествлять или предельно сближать понятия нации и государства, говорить о «национальной вине» и призывают к массовому возмездию за массовые злодеяния.

Такие взгляды мне чужды и неприемлемы. Не только потому, что они безнравственны, рождают ненависть, подозрительность и побуждают к новым жестоким злодеяниям, к оправданию грабительских войн, завоеваний, массовых расправ. Но и потому, что они изначально ложны, вырастают из мифов и предрассудков, из намеренно или невольно, «по привычке», искаженных представлений об истории.

Им противоречат уроки истории — и той, которую мы познаем из документов, и той, которую сами испытали и продолжаем испытывать.

Немецкая нация и немецкая национальная культура возникали и развивались в значительной мере независимо от государственных форм и даже в прямом противоборстве с ними. Не только иноземные завоеватели, но и соплеменные власти, отечественное «политическое убожество» (Deutsche Misere) были и остаются главным образом помехами, препятствиями на всех путях немецкого национального развития. Так было в эпоху Священной Римской империи, государства Гогенцоллернов, и в «тысячелетней империи» нацистов, и при нынешней расчлененной нации. Эту закономерность распознал уже Гете.

Германия? Но где же она?
Не могу я найти эту страну.
Там, где начинается Германия просвещенная,
Там заканчивается политическая.

Подобные же антагонистические отношения нации и государства обнаруживает история России, Франции, Италии...

В частности, и потому я убежден, что нельзя называть национальной виной преступления, совершенные государствами, армиями, политическими организациями. Преступления Ивана Грозного и Сталина, всех царских карателей и всех мародеров и насильников, бесчинствовавших в Восточной Пруссии в 1945 году, так же нелепо и несправедливо называть «русской виной», как преступления кайзеровской солдатни и гитлеровских палачей-истребителей народов нельзя полагать «немецкой виной».

Нация, народ не могут быть виновны. Сколько бы людей ни участвовало в злодействах государства — его полиции, армии, террористических властей,— сколько бы людей ни было обмануто господствующей бесчеловечной идеологией, лживой пропагандой и т. п., большинство народа не может быть причастно к массовым преступлениям, творимым от его имени. Как правило, народ только страдает от них. И наконец, каждая нация существует ведь не в одном отрезке исторического времени, а живет и в прошлом и в будущем, в древнейших традициях национальной культуры и в своих детях.

Горе народам, подавленным властью фанатиков, религиозных или политических изуверов, которые отравляют умы и души ненавистью к инородцам, к иноверцам, к соседним или завоеванным племенам! Горе нациям, порабощенным тоталитарными режимами,— горе, но не вина. Горе, но не месть.

Понятие национальной вины и принцип огульного возмездия целым народам наиболее последовательно выражены в обычаях варварской родовой мести, в ветхозаветных проклятьях «до седьмого колена». Христианство их отвергло. Темным духам племенной вражды противостоял светлый дух Нагорной проповеди. Отвергал, противостоял, но не уничтожил. Тщетным был призыв бороться «не против плоти и крови, но против начальств и властей, против правителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Ефесянам, 6, 12). Снова и снова оживали эти духи злобы и внутри христианских церквей, в гонениях на язычников, евреев, еретиков, в крестовых походах, религиозных и национальных войнах.

Отвергнутые гуманистами и просветителями эти же варварские понятия возрождались во всех расистских теориях — пангерманских, панславянских, панмонгольских, антисемитских и сионистских, в преамбуле Версальского мирного договора, в проповедях «негритюда».

Все «национальные вины» — мифологичны. Однако реальны коллективные вины государственных учреждений, политических организаций, войсковых частей, судебных ведомств. И всего реальней, разумеется, личная вина, уголовная и нравственная ответственность каждого, кто участвует в действиях преступного коллектива, помогает им одобрением или равнодушным нейтралитетом.

3

Те, кто упрекает Генриха Бёлля в том, что он «односторонне» настаивает на «немецкой вине» и недооценивает «русскую», а меня в том, что я «замалчиваю польскую вину», и попутно уверяет, что в июне 1941 г. не было «немецкого нападения на мирный Советский Союз», исходят из мифических общих понятий. Отчасти это объяснимо, так сказать, инерцией мифологического мышления, цепкостью предрассудков, но именно эти конкретные утверждения сознательно искажают действительность, сознательно противоречат неоспоримым историческим фактам.

Гитлеровское государство через своих агентов всячески провоцировало и разжигало вражду между немецкими жителями Польши и их польскими согражданами. Гитлеровские армии вторглись в Польшу, сея смерть и опустошение. После этого в нескольких местах возбужденные националистами толпы начали громить помещения нацистских организаций, набрасывались и на невинных людей только за то, что они немцы. Слепая жестокость этих погромов может быть объяснена, но не оправдана их причинами, и уж подавно ничто не может ни оправдать, ни ослабить вину тех, кто участвовал в несоизмеримо более жестоких массовых расправах, которые на протяжении всех последующих пяти лет систематически учиняли не возбужденные стихийными страстями толпы, а хладнокровные оккупационные власти, планомерные истребители польского населения — эсэсовские и полицейские каратели...

В Польше и на Украине, в Белоруссии, в Смоленской и в Новгородской областях я видел пепелища десятков Лидице и Орадуров, слышал рассказы женщин и детей, чудом уцелевших после того, как в отместку за действия партизан каратели сжигали целые деревни, истребляли сотни неповинных, беззащитных жителей.

Убежденные гитлеровцы и одураченные, развращенные или рабски покорные солдаты совершали чудовищные злодеяния. Ответственны те, кто их замышлял,

кто отдавал и кто исполнял злодейские приказы, и те, кто их одобрял, оправдывал или скрывал, сознательно отрицая. Но объявлять все это виною нации и несправедливо и опасно, ведь именно так создается непрерывность «цепных реакций» мести и ненависти. Тот, кто пытается отрицать или оправдывать такие преступления, пусть даже из искреннего желания защитить национальное достоинство, и тем более тот, кто старается переадресовать их бывшим противникам, только вредит своему народу. Он ослепляет разум и оскопляет души соотечественников и провоцирует шовинистов другой стороны.

Именно так поступают сегодня все, полагающие возможным вывернуть наизнанку историю и возрождающие старую геббельсовскую сказку о «превентивном» нападении на СССР в июне 41-го года.

Этой сказке немецкие солдаты верили только в самые первые недели войны. Тогда действительно едва ли не каждый пленный говорил, что «фюрер велел наступать на Россию, чтобы предотвратить внезапное нападение 180 русских дивизий, сосредоточенных на границе». Но год спустя уже ни один здравомыслящий военнослужащий в Германии не верил этому, так как весь ход войны однозначно свидетельствовал о том, что мы были застигнуты врасплох, что ни наша армия, ни промышленность, ни психология наших людей не были подготовлены к войне. Да и сам Геббельс уже летом 1942 года совсем по-иному, цинично откровенно говорил: «Мы воюем не за трон и алтарь; это война за зерно, за хлеб, за изобильный стол к завтраку, обеду и ужину... это война за сырье, за каучук, за чугун, за сталь, это война за достойное человека национальное существование, которого мы раньше не могли себе позволить, как стыдливые бедняки...»

Нет, вопрос о том, кто на кого напал в июне 41-го года, не может вызывать сомнений у серьезных историков. Но это, разумеется, не значит, что преступления Гитлера — «план Барбаросса», приказы расстреливать всех комиссаров, стратегические расчеты, предусматривающие уничтожение большинства жителей Ленинграда и Москвы, всех евреев, всех цыган, значительной части «расово неполноценного» или «избыточного» населения восточных пространств, могут оправдать преступления Сталина.

Не могут еще и потому, что Сталин не только объективно невольно, но во многих случаях и вполне сознательно помогал Гитлеру.

Это я понял сравнительно недавно. Еще и после XX съезда, после первых разоблачений того бесчеловечного режима, который у нас стыдливо называли «культом личности», пытаясь объяснить и другим и себе, как же я мог стать убежденным сталинцем, как мог ревностно служить сталинской власти и даже гордиться своей причастностью к силам, подавлявшим и обманывавшим моих сограждан, я прежде всего ссылался на угрозу фашизма, на то, что, мол, именно Сталин был наиболее проницательным, наиболее решительным противником Гитлера, Муссолини, японских империалистов, т. е. тех сил, которые грозили гибелью и порабощением нашей стране и всему человечеству.

Но со временем я узнал новые факты, научился и по-новому — независимо от предвзятых аксиоматических доктрин и сакрализованных идеологических табу — размышлять о том, что знал раньше. И убедился, что уже в 1930—1933 гг. Сталин объективно помогал Гитлеру, понуждая немецких коммунистов сосредоточивать свои силы прежде всего

на борьбе против социал-демократии. А в 1936—1939 гг. сталинская военная помощь Испанской республике была слишком ограниченной, чтобы решающим образом повлиять на ход гражданской войны, однако достаточной для того, чтобы Гитлер и Муссолини могли, ссылаясь на советскую угрозу, посылать Франко сотни самолетов, тысячи танков, десятки тысяч кадровых вояк. В 1936—1941 гг. Сталин и его палачи уничтожили, загнали в тюрьмы и лагеря огромное большинство генералов, адмиралов, старших офицеров, руководителей промышленности. Без нашей экономической помощи в 1939—1941 гг. вермахт не мог бы так успешно воевать во все последующие годы. Материалист-прагматик Сталин, зная, как неоценима эта помощь для Германии, вероятно, именно потому так тупо доверял дружбе Гитлера. Он доктринерски полагал, что тот не может решиться на риск войны, чтобы приобрести то, что получал просто так. Слепая доверчивость обычно столь подозрительного диктатора разоружила нашу страну и материально и морально, обрекла наши армии на жестокие поражения первого года и весь народ на небывалые страдания, бедствия, кровавые жертвы...

Впрочем, и Гитлер в свою очередь не раз помогал враждебному собрату. Гитлеровский террор и откровенно человеконенавистническая воинственная программа его партии побуждали миллионы людей видеть в Сталине и «меньшее зло», и даже выдающегося руководителя наиболее мощных антифашистских сил. Многие из нас, вероятно, никогда бы не превратились в сталинцев, если бы не было гитлеровщины. И, разумеется, мы не знали тогда, не поверили бы, что в 1937 году гестапо сотрудничало со сталинским НКВД, помогая состряпать обвинение против маршала Тухачевского и ведущих военачальников Красной Армии, а в 1940 году сотни немецких и австрийских антифашистов были прямо из советских тюрем переправлены в немецкие.

22 июня 1941 года Гитлер обрек свою империю на неминуемую гибель, но спас сталинский режим от распада и возможного крушения. Война, развязанная нацистами, стала Отечественной войной для русского народа и для других народов Советского Союза, пробудила в них все лучшие силы. Вопреки поражениям и потерям, вопреки рационалистическим расчетам зарубежных стратегов эти силы нарастали с каждым годом. Наша народная война привела к заслуженному разгрому гитлеровского тоталитаризма. Но одновременно к незаслуженному торжеству сталинского.

4

«По сути, никто не может научиться чему-либо из истории, потому что она содержит лишь множество глупостей и множество дурного». Так сказал Гете 17 декабря 1824 года («Разговоры с Ф. Ф. Мюллером»). Но уже пять лет спустя он говорил по-иному. «Об истории может судить лишь тот, кто сам пережил ее, кто на себе испытал историю. Так бывает и с целыми нациями» («Годы странствий Вильгельма Майстера», 517 максима).

Многие поколения народов Европы испытали на себе жестокую историю нашего века. И как бы противоречивы и разноголосы ни были ее оглушающие поучения, все же мне представляется, что мы можем и должны извлечь из них некие общие уроки.

...Родители моего отца и его сестра — самая мне близкая из теток — были расстреляны в октябре 1941 года в Киеве в Бабьем Яру; там за два дня уничтожили более 50 000 киевлян еврейского происхождения. Оккупационные власти объявили об этой расправе как о «возмездии» за действия партизан, взорвавших здания, в которых размещались учреждения вермахта. Мой брат, сержант артиллерии, в том же году погиб в бою. Еще несколько родственников постарше были расстреляны, повешены или «загазованы» в других городах, а молодые убиты на фронтах, умерли от ран... С тех пор многие из нашей родни говорили о немцах не иначе, как с ненавистью, отвращением, и они возмущались моим отцом, который был воспитан в гуманистических традициях русской интеллигенции, моим «догматическим» интернационализмом, возмущались, что мы не разделяли их чувств и отвергали требования массового возмездия, не хотели осуждать немецкую нацию в целом.

Подобно моим старым тетям и дядям рассуждали в первые послевоенные годы многие люди нашей страны — образованные и необразованные, старые и молодые, бывшие военнопленные и бывшие «остарбайтеры», пережившие оккупацию и пережившие осаду Ленинграда, испытавшие зверства карателей и «бранд-коммандос», которыми замыкались планомерные отступления вермахта.

Из их исторического опыта, из воспоминаний вырастали недоверие и ненависть. Их безоговорочно убеждала военная пропаганда, а позднее та великодержавная шовинистическая идеология, которая развилась в годы перезрелой сталинщины, да и пока еще не исчезла.

Но со временем, особенно в последние два десятилетия, эти недобрые чувства постепенно слабели, остывали. У новых поколений моих сограждан они, пожалуй, отсутствуют или ничтожно незначительны.

Такому благотворному развитию содействовали и содействуют многие силы. Прежде всего — гуманные традиции русской национальной культуры. А также в значительной мере и творчество современных немецких писателей, которые рассказывают правду об опыте нашей общей истории. Наиболее популярны у нас и, пожалуй, наиболее действенны именно в исцелении душевных ран войны — романы и рассказы Генриха Бёлля. Произведения Томаса и Генриха Маннов, Брехта, Зегерс, Кеппена, Штриттматера, Кристы Вольф, Зигфрида Ленца, Пауля Шаллюка, Леонгарда Франка, Иоганна Бобровского и других современных немецких авторов тоже издаются массовыми тиражами и тоже мгновенно раскупаются.

Спрос на них не зависит от колебаний внешнеполитической температуры. Тем более странно бывает мне и моим друзьям читать в некоторых газетах или слушать по «Немецкой волне» упреки Бёллю в избытке национальной самокритики и недостатке... патриотизма. Ведь, пожалуй, никто так, как он, не содействовал восстановлению «доброго имени немца», и не только у нас в стране.

Бывший варшавский повстанец, родители которого погибли под развалинами в дни первых воздушных налетов на Варшаву, а брат был замучен в концлагере, прочитал мою книгу по-немецки, прочитал послесловие Бёлля и сказал:

— Тридцать лет тому назад я бы это читать не стал. Сразу бы выбросил. Тогда я так ненавидел немцев — всех, как одного,— что думал: никогда не будет примирения, не может быть. И многие у нас в Польше так же думали и чувствовали. Ведь что они сделали с нашим народом, с Варшавой! В те годы я просто не мог в руки взять немец-

кую книгу или газету. Не мог слышать их речи — в глазах темнело... Но время шло. Теперь и я, и мои дети, и приятели читаем их книги. Вот его — Бёлля — полюбили даже, и Грасса, и Бобровского, и других. Многие наши стали ездить туда на экскурсии, в гости. И не только за Одер, но и за Эльбу... И я видел, как Вилли Брандт стал на колени перед памятником Варшавскому гетто. Вот в тот момент я и почувствовал: нет во мне больше ненависти... Он опустился на колени и поднял свой народ. Понимаешь? Высоко поднял в наших глазах и в наших сердцах. Так я сознаю как поляк и как христианин. Иисус сказал: «...кто вознесет себя, тот будет унижен, а кто унизит себя, тот будет вознесен».

Эти слова, прозвучавшие впервые на рассвете нашей эры, и мне представляются сегодня одним из самых злободневных уроков новейшей истории.

Нет виновных народов, но есть виновные государства, толпы, коллективы и, главное, личности. Определять степень и меру чужой вины вправе лишь тот, чья совесть чиста, кто способен нелицеприятно судить. Но к себе самому до́лжно быть наиболее взыскательным и строгим, не смея оправдываться ни вынужденностью, ни малой значительностью, ни идеалистическим бескорыстием своего участия в дурных делах.

Писать воспоминания я стал потому, что сознавал свою виновность. Но я уверен, что никакое раскаяние не искупит мою вину, не освободит меня от ответственности за все, что совершила партия, к которой я принадлежал, и государство, которому я служил. Прошлого не изменить. Не будучи религиозен, я не могу надеяться на отпущение грехов. Все вины мои навсегда со мной. И это самоосуждение — не замаливание грехов, а просто необходимость объективная и субъективная. Только осудив себя решительно и безоговорочно, осудив свое прошлое, могу я продолжать жить. Потому что могу быть уверен: ничего подобного уже не повторю.

И только осудив себя, я обрел право и даже обязан спорить с теми, кто пытается отрицать, умалять или оправдывать свои подобные вины. Только так могу я противоборствовать новым угрозам, исходящим от тех вождей и пророков, которые «сами себя возносят».

А самый главный для меня урок новейшей истории — очень прост, хотя и особенно трудно усваивается. Это урок ПРАВДЫ и ТЕРПИМОСТИ.

Правда всегда была нужна. Способность признавать и самую горькую правду, вопреки личной пользе и самолюбию, вопреки предрассудкам и условностям, племенной, сословной, национальной, партийной гордости, вопреки соображениям церковных или государственных интересов, была всегда полезна и отдельным людям, и народам.

Призывы любить и прощать ближних, даже врагов, прозвучали уже в первом столетии нашей эры, и с тех пор они остаются прекрасным, сверхчеловеческим идеалом «не от мира сего». Призывы Евангелия и всех добрых утопистов, мечтавших о счастье людей, проповеди Льва Толстого и Ганди, Альберта Швейцера и Мартина Лютера Кинга находили только малочисленных или временных последователей, а чаще были голосами вопиющих в пустыне.

Но сегодня ПРАВДА и ТЕРПИМОСТЬ — уже не идеальные мечты; ЭТО НАСУЩНО НЕОБХОДИМО. Conditio sine qua non!

Без них погибнет вся жизнь на земле. Безоговорочная правда и самая широкая терпимость, человеколюбие, преодолевающее все виды ненависти и вражды, необходимы, чтобы продолжало жить человечество.

Сентябрь — октябрь 1976 года

ВЫБОР ЕСТЬ ВСЕГДА

Среди многочисленных предложений, высказанных читателями при ответе на анкету «Горизонта», наиболее настойчивым было: организовать на страницах журнала встречи с писателями, деятелями искусства — теми, кто сегодня находится на переднем крае перестройки. В ряду различных имен особенно часто называлось имя главного редактора журнала «Огонек» Виталия КОРОТИЧА.

По просьбе редакции «Горизонта» с ним встретился журналист Александр СИРОТА.

— Виталий Алексеевич, разговор о демократизации нашего общества, о гласности мне хотелось бы начать с такого малосимпатичного явления, как слухи. Думаю, что в этом нет ничего странного, так как в их эпицентр чаще всего попадают люди с ярко выраженной общественной и творческой позицией, что сразу же обнаруживает и ярых их противников, и не менее горячих приверженцев. А поскольку нарождающаяся гласность не уничтожает слухов — механизм их возникновения и функционирования достаточно сложен,— они продолжают клубиться.

— В разное время мне приходилось слышать о себе, что-де Коротича терпят потому, что он женат на дочери Щербицкого, что он уже исключен из партии и сейчас решается вопрос о дальнейшем наказании...

Во время одного выступления в Центре управления полетами я получил более десяти записок, авторы которых интересовались, правда ли, что я назначен послом в Люксембурге, Монголии, Швеции, ЮНЕСКО... Правда ли, что на меня было произведено несколько покушений?..

Слухи — страшная штука, и «общественный отдел кадров» сегодня, в условиях гласности, функционирует, как никогда, живо. Надо, видимо, исходить из того, что в условиях демократии это неизбежно, но также и из того, что слухов меньше там, где больше объективной информации. Люди хотят больше знать о тех, кто им интересен. Более того, люди хотят подробно знать, зачастую подсознательно контролируя таким образом тех, кто находится в центре общественного интереса.

Мы должны развивать систему контроля. У нас высшие эшелоны власти закрыты от общественного внимания. А между тем мы вправе знать все о людях, которые руководят страной. Интерес к их жизни особенно остр.

В одну из поездок в США меня посадили на радиостанции, и любой человек мог по телефону задавать мне любые, в том числе и дурацкие, вопросы, а я должен был отвечать на каждый. Один из вопросов звучал примерно так: «Если бы вы узнали, что у кого-то из членов Политбюро, как у нашего сенатора Харта, есть любовница, вы бы в условиях гласности напечатали об этом?» Я завертелся, как на сковородке, и говорю, что у нас гласность не предвидит такого уровня информации о личной жизни членов Политбюро. Но человек не унимается: «А все-таки? Напечатали бы или нет?» Отвечать надо, это же все идет в эфир. И я не нашел ничего лучшего, как ответить: «Я никогда не предаю...»

Понимаете, то, над чем мы не прочь подхихикнуть — история с тем же сенатором Хартом,— повторяю, такая въедливость — это хорошая система контроля. Президент, любой другой руководитель должны быть видны навылет. И если кто-то принесет ему бутылку коньяка или, не дай бог, перстень с алмазом, завтра об этом должна знать вся страна. Он должен жить, как святой.

Я брал интервью у госпожи Тэтчер, которая мне рассказывала, как она вынуждена сама заказывать продукты в магазине и готовить завтрак мужу, потому что иначе избиратели ее провалят, поскольку они контролируют ее жизнь. Вот это и нужно. Нужно, чтобы не начальство контролировало избирателей, а избиратели контролировали начальство. Это единственный, на мой взгляд, приемлемый вариант демократии.

— Согласен. В подтверждение ваших слов сошлюсь на мысль В. Г. Короленко в письме А. В. Луначарскому в 1920 году: «Если есть что-нибудь, где гласность всего важнее, то это именно в вопросах человеческой жизни. Здесь каждый шаг должен быть освещен».

— Конечно, так. Я думаю, сегодня мы приходим к нормальному мышлению. Процесс этот медленный, трудный, но мы должны и этим переболеть. Поэтому я позволяю себе при всей оскорбительности некоторых слухов, относясь к ним иронически, с уважением воспринимать общественный интерес, удовлетворяемый, к сожалению, слухами.

— Ныне в разговорах, на страницах печати отмечается, что в средствах массовой информации произошло резкое размежевание. На одном полюсе — «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва», на другом — «Московские новости», «Знамя», «Огонек». При этом в ряде высказываний делается упор на то, что ваш журнал допускает передержки в изложении фактов, пользуется дезинформацией. Что бы вы сказали по этому поводу?

— Это тоже из области слухов. У нас шесть человек работают в отделе проверки. Из опубликованных в 1988 году более 800 писем оказались неточности лишь в двух. Представляете, сколько людей радостно потирали бы руки, попадись мы на какой-то неточности? Поэтому мы работаем как раз точнее многих других изданий. Очень важно, чтобы мы уходили от общих рассуждений — ведь и вы процитировали обидный слух, общее место, а не конкретный пример неточности.

В течение трех лет наш журнал поливают на чем свет стоит, но мы терпим и не ищем арбитража на стороне, как другие. За три года я ни разу не обратился в ЦК с просьбой о защите. Ни разу!

— А хотелось?

— Хотелось. Потому что я знаю правила игры. Надо пойти, рухнуть в ножки и сказать: «Обижают». Зато стóит задеть Ю. Бондарева или Г. Маркова, как тут же начинаются рыдания на партийной паперти, звонки в «Правду», чтобы она заступилась. К нам даже не апеллируют, отвечают на критику не нам, а немедленно жалуются в «центр».

Вообще «Огонек» очень своеобразно выясняет отношения с партийными руководителями, они у нас самые обидчивые. Например, кого-то из них мы покритиковали. Кажется вполне резонным ответить н а м: позвонить, написать письмо. Мы это письмо опубликуем. Так нет! Письмо от того, кого покритиковали, идет в ЦК, мне его передают оттуда с требованием ответить и копию переслать в ЦК. Я отвечаю, копию подшивают куда следует. «Обиженный» вновь пишет и вновь не в журнал, а в ЦК. Вот такая карусель.

Но я хотел бы обратить внимание вот на что. Сегодня за свои промахи начали извиняться различные издания, даже «Правда» извиняется. И мы готовы извиниться, признать свои ошибки, хотя, конечно, еще лучше их не допускать. А нас подчас стремятся одернуть, а не опровергнуть: куда, мол, замахнулся?!

Что касается полюсов, то я бы не расставлял их по журналам. Мне не нравится точка зрения, которая иногда становится доминирующей в публикациях «Нашего современника», «Молодой гвардии» или «Москвы». Но я бы не сказал, что мы боремся против журналов. Мы боремся против определенных позиций. И когда «Огонек» печатает материал о русском фашизме, критикуя чудовищный роман, помещенный в «Нашем современнике», то это борьба не против журнала, а против тех глупостей, которые в нем напечатаны. И когда мы сегодня выступаем против каких-то статей в «Правде», то конечно же ни в коем случае не вступаем в конфликт с органом ЦК КПСС, а просто высказываем свое несогласие с тем или иным мнением. А вот ответы нам — не лучшим образом свидетельствуют о полемической и просто человеческой культуре...

Наш журнал между тем довольно широко представляет самые различные мнения. У нас печатался и Ст. Куняев, и Д. Самойлов. И оттого, что существуют разные точки зрения, не стоит падать в обморок. Так и должно быть в плюралистическом обществе. Если сегодня М. С. Горбачев искренне говорит и весь мир видит это, что он платит не только по своим счетам, то это правильно, потому что он разрешил говорить правду, он возглавил страну, где правда стала государственной политикой, и сегодня говорят ту правду, какую не хотел слышать Брежнев, не хотел слышать Черненко и какую люди даже в снах своих боялись сказать Сталину.

— Виталий Алексеевич, вы обратили внимание на то, что сейчас различные органы печати стали извиняться, открыто признавать свои ошибки, неточности, некорректные высказывания в чей-либо адрес. Это новое для нас, весьма отрадное явление. Но это печать. А люди? На XIX Всесоюзной партконференции первый секретарь Алтайского крайкома партии Ф. В. Попов назвал выступление вашего журнала «пределом развязности». (Имеется в виду статья «Противостояние» — «Огонек», 1988, № 26,— в которой Т. Гдлян и Н. Иванов высказали сожаление и недоумение по поводу того, что в числе авторитетных и весьма заслуженных людей делегатами конференции оказались избранными и взяточники.) Между тем двое, как известно, задержаны и им предъявлено обвинение во взяточничестве. Принес ли товарищ Попов журналу извинения?

— Что вы! Я вообще не видел секретарей обкомов, которые бы извинялись, по крайней мере, перед органом массовой печати. Странное дело, почему-то считается, что высокий партийный функционер ошибаться не может. Ленин не стеснялся извиняться. Он, наоборот, стеснялся не извиниться. Я бы очень советовал всем почитать последние тома собрания его сочинений, где много личных записок. Владимир Ильич удивительно извинялся и удивительно умел требовать извинений от других. Известна, например, его записка Сталину, который оскорбил Н. К. Крупскую, но сколько раз и с какой самовзыскательностью Ильич бывал готов признать свою неправоту!

Мы должны понять, что самые высокие партийные руководители такие же люди, как все. У них бывают личные «заносы», личные реак-

ции на что-то. Нам пора отрешиться от мысли, что они безгрешные небожители, безошибочные оракулы. Но если какой-то секретарь извиняться не умеет, разве не по силам нашему официозу сообщить, что кого-то из них посадили?! Это такая мука, такое насилие над собой. Журнал, в котором сообщалось о делегатах партконференции — взяточниках, не подписывали в печать до восьми вечера; он чуть не выбился из графика. У нас ведь как порой рассуждают: «Ну арестовали людей, а вы молчите, зачем, мол, их еще терзать и позорить?» Слишком деликатны мы иногда бываем.

— Фигура умолчания. До недавнего времени — весьма распространенный метод в пропаганде. Молчим, и вроде бы нет неприятного явления, нет неудобного человека. В большой степени это относится и к литературе. Сейчас идет процесс возвращения в отечественную культуру писателей, покинувших нашу страну в разное время. Между тем некоторые литераторы расценивают этот процесс как разрушительный. В чем тут дело?

— Проскурин произнес чудовищное словечко: «некрофилия». Ну вот есть П. Проскурин, есть А. Иванов, есть Ю. Бондарев. У них есть фон. Его составляют, скажем, Ст. Куняев, А. Проханов, то есть литература чуть пониже, достойно оттеняющая величие первых. И вдруг появляются имена А. Приставкина, А. Бека, В. Набокова, В. Гроссмана, и уже на фоне этих писателей масштаб первых меняется, уменьшается. По данным Библиотеки имени В. И. Ленина, по данным опроса общественного мнения, в течение двух лет их популярность резко сползла вниз. Это до того обидно! А тут еще реабилитировали, возвратив на полки общих библиотек, книги 28 писателей — бывших советских граждан: В. Некрасова, А. Солженицына, В. Аксенова, А. Гладилина, В. Максимова...

Понимаете, всегда существует соизмеримость. Иные наши писатели свою соизмеримость выявляли своеобразно. А. Иванов сравнивал себя с П. Проскуриным, Ю. Бондарев — с А. Ивановым, и все было прекрасно. Классиком быть в русской литературе трудно, поэтому, если хочешь им быть, ты должен искать настоящую систему мер: надо искать соизмеримость не друг с другом, а с великой русской литературой. И когда в монографии о Ю. Бондареве печатаются слова о том, что вообще-то у Л. Н. Толстого в «Войне и мире» все, мол, было послабее, чем у Юрия Васильевича, сам он должен сказать: «Извините, не клевещите на меня. Не на Толстого, а именно на меня. Не унижайте меня». С. Михалков, умный, хороший человек, выступая по радио, сказал, что статья о тиражах (См.: Огонек. 1988. № 43), как и подобные ей, порождена завистью к писателям, которых много издают. Должен прямо сказать, что лицам, упомянутым в журнале, мы не завидуем. Их «понесло», они стали неподконтрольны обществу. А если вдуматься, то здесь не что иное, как утрата критериев, утрата способности сказать «извините». Когда утрачены нравственные критерии, возможны любые сплетни. И здесь опять возвращается слух — уже как месть.

Возвращаясь к началу нашей беседы, замечу: неизвестно, что завтра услышу о себе. Первое, о чем меня известили, когда я стал редактором,— что вся редакция «Огонька» — еврейская, даже иудомасонская... Но я не веду никакого учета по этой линии. Разве мы не можем быть нормальными людьми и существовать без пресловутой пятой графы?! Кстати, любая наша анкета во многих странах была бы противозаконной. В ФРГ, например, по закону запрещено спрашивать о национальности, вероисповедании. Американец, если бы ему было задано столько вопросов, на сколько требуется отвечать в наших анкетах, кроме, может быть, вопроса о гражданстве, назвал бы это вторжением в его личную жизнь и пригрозил обращением в суд... Евреев по национальности в редакции немного, да и стыдно высчитывать, сколько у нас русских, а сколько татар...

— Сейчас чуть ли не модными стали требования покаяния. Не может ли случиться, что человек покается, снимет грех с души и очистится... для новых грехов? И в этой же связи, поскольку в стране идет процесс переосмысления нашей истории, нашего прошлого, возникает вопрос, как относиться к себе вчерашнему?

— В открытую. Хочешь — кайся, не хочешь — не кайся. Здесь важнее всего сознательное отношение к своим поступкам. Я понимаю позицию В. Солоухина, когда он говорит, что громил Б. Пастернака и жалеть особенно не о чем. Человек имеет право и на такую позицию. Твердостью позиции мне даже нравится Н. Грибачев, который каким был, таким и остался. Но я не понимаю позицию А. Софронова, который сегодня говорит, что лучшего друга, чем Пастернак, у него в жизни не было и вообще он ни при чем, мол, время было такое...

Мне не нравится, что некоторые нынешние лидеры Союза писателей, оправдывая свои прежние позиции, ссылаются на время, на то, что их заставляли... Заставляли всех, но одни поддались нажиму, а другие нет. Одни вели себя, как академик А. Сахаров, другие — как академик Т. Лысенко. Здесь большой диапазон, и поэтому у человека выбор есть всегда.

Что я хочу? Чтобы мой мартиролог — все мои дурные и хорошие дела, так же, как дела моих сограждан, были на виду у всех. Я не требую, чтобы сегодня устроили «Нюрнбергский процесс» и посадили в тюрьму палачей, доносчиков и т. д. Но в то же время надо знать, кто есть кто. С режиссером М. Голдовской мы задумали фильм. И она и я разыскали в Москве некоторых из бывших палачей. Задаем им вопрос: «Теперь вы знаете, что те, кого расстреливали, были невиновны?» — «Ну и что? — отвечают они.— Мы выполняли приказы». Логика заплечных дел мастеров из Освенцима: «Если прикажут, мы и сейчас будем делать то же самое...» Вот такой человек социально опасен. Ему каяться, как мне кажется, уже перед народными заседателями.

Сегодня есть тенденция замазать всех серым цветом: мол, все были там, все писали, все доносили... Нет, не все. Одних судили, другие сами судили. Одни писали доносы, другие не писали. И относиться ко всему этому следует трезво, осмысленно. Покаяние нужно. Оно нужно для того, чтобы понять, как мы дошли до жизни такой. Уроки прошлого имеют главный и, может быть, единственный смысл: не допустить, чтобы это прошлое ни в настоящем, ни в будущем не мешало нам жить.

— Виталий Алексеевич, состоялись выборы народных депутатов в Верховный Совет СССР. Понятно, что их глубокий, всесторонний анализ еще впереди. Однако и тот путь, что пройден, и тот опыт, что приобретен, позволяют сделать какие-то выводы. Какова ваша оценка избирательной кампании?

— Мы ищем пути к демократии. И конечно, эта избирательная кампания в тысячу раз лучше всех прежних. У нас таких просто не было. Наконец появилась надежда на то, что народ сам будет выдвигать и избирать тех, кого хочет, кому он верит. К сожалению, «выдвигать» — получилось, а «избирать» — не всегда.

Я почел за очень высокую честь, что меня выдвинули и предложили баллотироваться во многих местах страны — в Хабаровске, Запорожье, Киеве, Коломне, в Москве — в округе, объединяющем Свердловский и Дзержинский районы. Но на всех этапах выборов я отказывался баллотироваться в округах, где устраивались окружные собрания,— по сути, способ, которым начальство отфильтровывает, отсекает неугодных. А вот в Харькове мне предложили баллотироваться по огромному городскому национально-территориальному округу. Но баллотироваться впрямую, в честном соревновании десяти кандидатов. Я согласился с радостью и в первом же туре получил более 80 процентов голосов «за». Постараюсь оправдать доверие моих избирателей.

И я повторяю, что политическая активность масс, разбуженная выборами, настолько высока и хороша, что остановить ее уже будет нельзя. Выборы же в том виде, в каком они прошли, могут быть, пожалуй, только раз. Это переходные выборы. Надо бесстрашно идти к прямому голосованию без фракций филателистов и дизайнеров в парламенте, без окружных собраний.

— Чем, по вашему мнению, объясняется тот факт, что в ряде общественных организаций не нашли поддержки лица, вклад которых в перестройку вполне очевиден!

— Я продолжаю считать, что наши общественные организации созданы по старым моделям. В общем-то, они запрограммированы на подавление лиц, которые вырываются из ряда вон. Союз писателей проголосовал за «серединочку». Он отсек «крайне правых», таких, как, допустим, М. Алексеев и А. Иванов, не избрал «левых» — А. Приставкина и Евг. Евтушенко. (Но на выборах 14 мая Евтушенко победил по Дзержинскому территориальному округу № 520 Харькова, где кроме него на депутатский мандат претендовало еще 7 человек.)

Будучи в Англии, я спрашивал мнение самых разных людей о М. Тэтчер. И вот что любопытно: в разговорах о ней почти все камня на камне не оставляют. Но как только вопрос касался того, кто им нужен в качестве премьер-министра, все сходились на... Тэтчер. То есть, веря в честность человека, можно не принимать его лично, но надо отдавать ему должное, даже не разделяя каких-то его взглядов.

Крайне важно, чтобы мы выстраивали процесс преемственности. Необходимо создать в стране демократическую атмосферу, которая позволит нам определять сменяемость наших руководителей, их надежность. Я вовсе не считаю западную демократию образцовой. Но вот Рейган. По многим опросам общественного мнения в США он был популярнее Буша. Но два раза по четыре года прошло — и всё, надо уходить, вопреки и его собственному желанию, и желанию очень многих.

Мы, к сожалению, не подготовлены к тому, чтобы демократическим образом готовить преемственность власти. Все наши руководители, кроме свергнутого Хрущева, умирали на своих постах. Ныне очень важно, что у нас М. С. Горбачев, что он так популярен в нашей стране и в мире, что он безальтернативен, и я очень рад тому, что сегодня нет человека, который может сравниться с ним по популярности и по праву на лидерство. Но в то же время я думаю, что постепенно около него должны формироваться люди, способные принять кормило власти и продолжать демократизацию общества. Возникает «проблема команды», чрезвычайно важная при демократии.

— Как вы расцениваете заявления вроде тех, что избрание Б. Н. Ельцина в Верховный Совет могут привести к расколу в партии!

— Типичный пример апокалипсического мышления нашей бюрократии. Нас все время пугают тем, что социализм-де рухнет и разобьется на кусочки из-за нас же самих. Нас стращали тем, что публикация романа «Доктор Живаго» разрушит социализм; нам пытаются внушить, что если не будет, скажем, комиссии, рассматривающей заявления на выезд из страны, то советские люди все до одного разбегутся кто куда. Замечу, что так может говорить только тот, кто ни минуты не верит в социализм, в советских людей. С иными, кто катастрофу собственного благополучия воспринимает как катастрофу системы, начинаются патриотические истерики. Но их пророчества никак не сбываются. «Доктор Живаго» напечатан, а социализм уцелел, и ничего не случилось. По-моему, это самый страшный удар по нашей бюрократии. Наше общество в условиях демократии доказало свою жизнеспособность. Однако, используя таких профессиональных патриотов-провокаторов, как члены общества «Память», людей, которые профессионально исповедуют ту или иную национальность, бюрократия продолжает пугать: дескать, нынешние демонстрации, митинги — это конечно же результат демократических процессов, еще чуть-чуть — и будут большие беспорядки... Они хотят этого. Они ждут этого как подтверждения своих ужасных прогнозов и предчувствий, ибо твердо уверены, что демократия — это конец социализма...

Сегодня очень важно понимание того, что избрание Ельцина в парламент страны не разрушит партию. Надо очень не уважать ее, чтобы считать, что избрание Ельцина в руководящий орган страны тут же, с ходу, перевернет всю партию вверх дном. Но почему?! Вспомним, какое Политбюро было при В. И. Ленине, куда входили Сталин, Троцкий, Рыков, то есть люди, зачастую ненавидевшие друг друга, но объединенные общей верой в идею, по-разному ее трактовавшие и от этого более сильные, чем каждый в отдельности. Что сделал Сталин? Он заменил их клерками — Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым и в результате получил то, что мы на себе испытали.

Я совершенно не идеализирую Ельцина, но считаю, что он возможен в системе правления как человек, возбуждающий общественное мнение. И думаю, что присутствие таких людей, как он, то есть таких, кто бывает не согласен и готов аргументировать собственную позицию, только укрепит наш парламент. Надо лишь таким людям не оказаться в чужой, недемократической упряжке.

— В настоящее время требования единства, консолидации чередуются с вполне резонными требованиями размежевания. Но если быть честными, то на каких путях объединяться, скажем, «Мемориалу» и «Памяти»! Как консолидироваться с теми, для кого «Протоколы сионских мудрецов» — неоспоримая и окончательная истина; кто считает Октябрьскую революцию результатом «заговора евреев и масонов», а Сталина «жалкой марионеткой в руках Ленина, а позже... Кагановича»; тем, между которыми лежит мировоззренческая и нравственная пропасть!

— Я с вами вполне согласен. Нам надо понимать политические позиции, которые стоят за спорящими сторонами. Поэтому, когда сегодня нас призывают к консолидации, я это принимаю, но прошу не путать консолидацию с беспринципностью. Есть позиции, по которым мы никогда не помиримся. Когда член редколлегии «Нашего современника» А. Кузьмин выступает, требуя опубликовать «Майн кампф»

и «Протоколы», то я при всей широте взглядов понимаю, что столь далеко идти не могу. Когда писатель В. Личутин говорит на пленуме Союза писателей РСФСР о том, что в стране надо создать резервации для инородцев, я считаю это не плюрализмом, а расизмом, считаю такие предложения антиконституционными. Однако повторяю, что консолидация возможна, и спор славянофилов и западников в прошлом веке — пример тому. Одинаково горячо любя Россию, они позволяли себе спорить, но при этом доносы друг на друга не писали. Когда в январе этого года группа известных писателей выступила в «Правде» против «Огонька», мне было обидно потому, что те из них, кого я считаю честными, как, допустим, Астафьева или Белова, писали в письме вещи неприличные. Они писали, что в журнале «происходит беспрецедентное извращение истории, ревизуются социальные достижения народа, подвергаются опошлению культурные ценности». Это уже не полемика, а донос.

— У гласности есть противники, есть сторонники. Однако и те и другие не могут не думать о ее дальнейшей судьбе. Что же ждет гласность! Что, по вашему, должно быть учтено в готовящемся законе о печати прежде всего!

— Гласность ждут законы. У нас были законы, объявлявшие гласность государственным преступлением. Теперь гласность ждут законы, которые ее поддержат. Вообще невозможно проводить государственно-политическую перестройку, опираясь лишь на энтузиазм и добрую волю одного или даже всех руководителей. Только законы будут страховать нацию, всех нас от того, что может прийти новый Брежнев.

Что же касается закона о печати, то в нем должны быть зафиксированы не только обязанности издателей и редакторов, но и их права, их ответственность, при которой они, и только они, в первую очередь отвечают за свои издания, за те материалы, которые печатают. И второе. Наша страна подписала хельсинкские и венские соглашения, в которых отражены роль и место средств массовой информации. Так вот, необходимо, создавая свои законы, учитывать и международные документы.

Нина Молева

ПОГОВОРИМ О СРЕТЕНСКОМ ХОЛМЕ

Итак, Сретенка строится. Полным ходом отселяются из домов жильцы. Выдают продукцию проектные организации. Архитекторы на страницах печати и по телевидению рассказывают о своих замыслах, о тех фантастических удобствах, которые в будущем ждут москвичей в этом районе. Земля обетованная — трудно иначе назвать те уютные уголки, магазинчики, кафе, клубы, творческие центры, которые должны составить новый покров Сретенского холма. Возможностей для органического единства застройки и в самом деле появилось значительно больше, чем какой-нибудь год назад. За это время отказались от задуманного некогда строительства комплекса горкома партии рядом с Домом политпросвещения, признали целесообразным восстановление застройки конца XIX века и вместе с ней сохранение облика зданий, который был так хорошо знаком нашим дедам. В конце концов, даже самые молодые из сретенских особнячков насчитывают уже около ста лет — возраст, дающий все основания говорить об их исторической ценности.

После долгих и бурных дебатов наступило, кажется, время спокойной и вдумчивой работы. Вот только наступило ли? Волнуются коренные сретенцы, для которых многие десятилетия понятие Москвы связывается именно с этим уголком. Сегодня многие из тех, кого обстоятельства разметали по разным районам, прикладывают огромные усилия, чтобы вернуться «на родину», хотя жить на ней становится день ото дня сложнее. Закрываются магазины. Сокращается сеть предприятий бытовых услуг. По вечерам освещенные дома превращаются во все более редкие островки жилья среди глухой и вымершей застройки. Неуютно и страшновато становится с наступлением сумерек в некогда оживленных сретенских переулках. Но для их жителей вернуться сюда означает не просто поселиться в центре. Они вполне отдают себе отчет, что борьба за «свою» Москву не обещает комфорта. Во всяком случае, в ближайшие годы. Между тем сколько набежит «некомфортных» лет, не знает никто.

Из тесно переплетенных местных проблем выберем главную — человеческий фактор, о котором впервые официально заговорили лишь в самые последние годы.

Анализируя сегодня недостатки генплана реконструкции Москвы 1935 года, приведшие к планомерному уничтожению исторически сложившегося города, исследователи обходят одно из важнейших его следствий — попрание гражданских прав и достоинства жителей города. Стоит вспомнить, когда и почему возникла глубочайшая секретность деятельности былого Главного архитектурно-планировочного управления Москвы (нынешняя Мосархитектура): никто не должен был знать, сможет ли он продолжать жить на родном Арбате или окажется в Томилине, Ашукинской, одном из десятков других подмосковных мест. Или же лишенный крова, получив в лучшем случае денежную компенсацию, должен будет начать самостоятельно строиться.

Те времена прошли, но существо их продолжает сохраняться в решениях исполкомами судеб москвичей, чьи родные дома оказываются намеченными к сносу, переделке, капитальному ремонту. Москвич (да и не только москвич) бесправен перед лицом могучих руководителей районного масштаба, которые и сегодня могут отправить жителя Таганки в Строгино или старожила Тверских-Ямских в Ивановское. Их рассуждения предельно просты: Москва везде Москва. И они правы с точки зрения все еще продолжающего тяготеть над нами паспортного режима — та же прописка, те же условия проживания.

А если все-таки выйти за эти пределы? Конечно, десятки километров, которые пролягут между старым и новым местом жительства,— не проблема при развитой сети коммуникаций большого города. Что же касается привычек, уклада, который определяется жизнью в данном, конкретном районе, множеством знакомств и взаимосвязей, то кто и когда задумывался над тем, что значат они для душевного комфорта и не только комфорта.

От скольких сотен москвичей приходится слышать: «В свободную минутку приезжаю на родное пепелище. И детей привожу. Хоть глазком взглянуть, и так горько становится». Лирика? И да, и нет. Не по-

---

Сретенский холм, а точнее его склон, о котором идет речь в статье, ограничен поверху улицей Сретенкой, понизу — Цветным бульваром, раскинувшимся над заключенной в трубу речкой Неглинкой. По бокам замыкают холм Рождественский бульвар и Садовая-Самотечная улица, на которой когда-то располагалась знаменитая Сухаревка. Сретенский холм — это семь переулков: Печатников, Колокольников, Большой Сергиевский, Пушкарев, Большой Головин, Последний (ранее Мясной) и Большой Сухаревский. Над обновлением этого уголка города работает сегодня «Моспроект-2», о нем и ведутся споры.

тому ли мы так стремительно теряем неповторимый облик Москвы и не можем создать в современной архитектуре его эквивалента, что сумели лишить москвичей этой связи с родным порогом? Беречь легче, естественней то, что с детства знаешь, что с первым вдохом воздуха входит в твою жизнь. Нет никакого парадокса в том, что жители сметенных с лица земли Бабьегородских переулков (кому понадобилась эта голая плешь в Замоскворечье вместо вековой застройки?) относятся к остаткам теплостанской церквушки иначе, чем к соседней когда-то церкви Иоанна Воина. Мне довелось познакомиться с немолодыми женщинами, чье детство прошло в неудобном и на первый взгляд таком неприветливом дворе дома № 49 по Пятницкой улице. Они не были подругами — просто видели друг друга во дворе. И вот уже многие годы (без малого 20!), уехав из родного дома, поддерживают между собой связь и встречаются, чтобы повспоминать. И никому из них — инженерам, врачам, ученым, работницам — не понятно, почему добротные четырехэтажные дома с хорошей планировкой квартир (в их детстве — коммунальных), с дубовыми паркетными полами и двустворчатыми дверями надо было перепотрошить, чтобы разместить там районную прокуратуру, отдел вневедомственной охраны и ряд других учреждений. Неужели удобное кирпичное жилье обходится государству дешевле, чем конторские помещения? И кому это выгодно (простым бюрократическим валом тут не объяснишь), чтобы в старых районах не оставалось их уроженцев?

Сретенцы знают, что выселенные из своих старых квартир, они никогда в них не вернутся. За проектировщиками и строителями стоят вполне конкретные заказчики, вроде сотрудников Дома политпросвещения, облюбовавших уже один из наиболее представительных домов. В их числе, как ни странно, оказался и МЖК. Кстати, общественному контролю стоит поинтересоваться списками его предполагаемых жильцов. Сретенцы уверены, что если МЖК и собирается удовлетворить потребности в жилье московской молодежи, то отнюдь не «беспозвоночного» типа.

В условиях перестройки, гласности коренные жители справедливо отвергают самую мысль, что будущее их «малой» родины может быть решено без их участия. Речь идет о создании переселенческого фонда здесь же, рядом. Те, кто не имеет ничего против переменить район, могут переехать в новые дома. Но те, кому жизненно необходима привычная среда, должны, наконец, получить право в ней остаться. Давно пора установить, сколько арбатцев заплатило здоровьем за неумело спроектированную и никак не приспособленную к московскому, да и просто современному быту улицу. А ведь вместе с ними ушла неповторимая культура московского уличного общения: приветливость, благожелательность, готовность прийти на помощь в затруднениях, которые возникают в огромном городе особенно у приезжих, наконец, знание Москвы, которого бесполезно ждать от нынешних прохожих на Арбате.

Неожиданность? Вовсе нет. Именно об этом предупреждали проектантов историки, социологи, знатоки города еще на первоначальном обсуждении пешеходной зоны в 1979 году. Тогда в ГлавАПУ впервые были допущены, хотя и при строжайшей проверке удостоверений личности, несколько человек — представителей московской общественности. Их выступления, положим, не сопровождались улюлюканьем, но некий аналог безмерного пренебрежения, иронии, прямых насмешек имел место. И здесь объединились первый заместитель главного архитектора города (в то время М. В. Посохина) В. А. Нестеров и... зампред Центрального совета ВООПИиК В. И. Иванов, одинаково восхищавшиеся и нелепыми будуарными фонарями, и придуманной цветовой декорацией фасадов, и псевдоевропейским эталоном некоего «стрита». Общественности удалось остановить только одну акцию — выдвижение коллектива проектантов обновленного Старого Арбата на Государственную премию. Другой вопрос, что ни Арбату, ни городу это уже не смогло помочь.

Общественный совет Сретенки* настаивает на создании переселенческого фонда в тех же переулках еще и потому, что своим присутствием надеется спасти застройку холма от ставших обычными в городе пожаров, мародерства, разрушений. Дома нельзя бросать без присмотра — таково требование настоящих хозяев. Действительно, сколько можно говорить, что принятая в Москве практика капитального ремонта глубоко порочна. Отселенный дом годами стоит с выбитыми стеклами и развороченной кровлей, на глазах превращаясь в развалины.

Снова бесхозяйственность и межведомственные неурядицы? Да, конечно. Но есть во всем этом и иная сторона — способ избавиться от неудобного для исполкомовцев жилья. Чем ломать голову над капитальным ремонтом с большей или меньшей долей реставрации, лучше дождаться подходящего момента, когда Главное управление охраны и использования памятников присоединит свой голос к Моссовету, признав сооружение ветхим. В этом случае «экономически выгодным» считается только снос. Но его результаты у нас перед глазами. Никакие выступления прессы и телевидения не могут пока сдвинуть с места застрявшую до осей в привычной колее телегу городского хозяйства. И что греха таить, положение в нем, несмотря на все мудрые «экономические» рассуждения, только обостряется. Брошенные дома многочисленны, и это — при острой нехватке жилой площади в городе. Проектировщики не собираются скрывать: в лучшем случае реконструкция Сретенского холма займет не менее 5—7 лет. Надо ли говорить, что станет за это время с освобожденной застройкой! Так почему бы не пересмотреть технологию производства капитального ремонта таким образом, чтобы осуществлялся этот ремонт непосредственно после выезда жильцов, чтобы хранящий живое тепло дом оказывался в руках строителей один (а не весь квартал или улица!) и один же доводился до необходимой кондиции. Возражение, что это удорожит ремонт, вряд ли можно принять. То, что делают проектировщики и строители, должно удовлетворять требованиям не только Моссовета и городских организаций, но и в первую очередь тех, кто живет в городе и выбирает состав Моссовета. К такому положению трудно привыкать, но другой дороги нет и, хочется верить, никогда не будет. А уж если нельзя миновать разрыва во времени между выездом жильцов и приходом строителей, то его надо использовать для аренды. При развитии индивидуальной и кооперативной трудовой деятельности потребность в ней крайне велика, а доход городского хозяйства был бы реально пополнен.

И еще одна спорная проблема, связанная со Сретенским холмом,— отношение к малоэтажной застройке. До настоящего времени продолжает преобладать чуть ли не единственная форма ее использования — опять-таки учреждения и конторы. А если сделать жилье? Проектировщики тут же поспешат сослаться, как было уже не раз, на санитарно-эпидемиологическую службу: она-де не позволит. (Хотя, между прочим, в подвалах и полуподвалах десятилетиями ютятся проектные организации да и многие другие учреждения, где в недопустимых условиях

---

* В Совет входит 15 человек. Возглавляет его А. И. Ушаков.

работают тысячи людей.) Мы имеем превосходный опыт ГДР и Польши — там небольшие здания переходят в руки молодежи, которая превращает их в малосемейные жилые дома.

О чем же мечтают наши, столичные, архитекторы? Если уж восстанавливать постройки, то только в том виде, который представляется им наиболее интересным. Так, возникает мысль один из домов разобрать чуть ли не до основания, придав ему облик, который он имел в начале прошлого века (подумать только — ампир!). Что же касается другого, то он пренебрежительно характеризуется как эклектический и потому внешний вид его решается согласно общему замыслу застройки. В третьем случае возникает желание сделать на фасаде украшения, которых тот никогда не имел, но которые были в заказанном домовладельцем проекте. Так вот размах фантазии — какими рамками он должен быть ограничен?

Хотя в принципе изменилось наше отношение к памятникам (на печатных страницах, во всяком случае), само определение их остается неизменным. Памятники выявляются относительно архитектурной их ценности (с этим более-менее ясно) и тех имен, с которыми оказалась связана история какого-либо дома. И здесь возникает несколько «но».

Давайте задумаемся над тем, каким искаженным и неполным было наше представление о значимости для советской истории и культуры отдельных деятелей. Навряд ли кому-нибудь еще совсем недавно пришло бы в голову прослеживать на карте города жизненные пути, скажем, Флоренского, Лосева, Бердяева, Кандинского, Малевича, Татлина. Сегодня все они нам необходимы, и в их «привязке к местности» мы нуждаемся особенно остро.

Поэтому, исходя только из анализа всей структуры города, можно определить, что и как следует восстанавливать в отдельных районах, чтобы вместо ничем не связанных между собой домов-экспонатов мы приобретали бы необходимую для душевной комфортности городскую среду. О сретенских переулках велось немало совершенно беспочвенных споров. Городское дно, центр домов терпимости и ночлежек — подобное представление, казалось, оправдывает стремление к поголовному сносу района. Однако все это не находит документального подтверждения. Достаточно привести в качестве примера так называемый квартал № 269 — между Последним и Большим Сухаревским переулками с выходом на Сретенку и Трубную улицы. В этом квартале располагались две конкурирующие мастерские по производству живописных вывесок, причем одна из них — «Ивановы Вас. и Степан Ив-чи Братья» — относилась к числу лучших в Москве. Ее работами были оформлены магазины на Тверской, Кузнецком мосту, в Столешникове. Здесь же находились типолитография О. Р. Фалька, магазин колониальных товаров, обойное и драпировочное заведение А. К. Липунова, три врачебных кабинета, в том числе популярного в Москве педиатра Т. Ю. Толкачевской.

Со стороны Большого Сухаревского переулка это пять врачебных кабинетов зубных и внутренних болезней, мастерская по изготовлению зубоврачебного оборудования, бесплатная городская (Мещанской части) лечебница для приходящих больных. Тут же были Общество глухонемых имени И. К. Арнольда, типография Г. Б. Аветикова, мастерская по тиснению золотом и серебром. Достаточно трудно себе представить на городском «дне» и очень популярную в Москве частную женскую гимназию О. Ф. Гейне с правами казенных учебных заведений...

С незапамятных времен Москву называли стольным градом на семи холмах. Но по мере роста города, особенно со строительством многоэтажных домов, живописный рельеф московской местности начал стираться. Сегодня редко кто даже из коренных жителей сможет перечислить знаменитые некогда холмы, тем более показать в городе их следы. Если не считать украшенного Кремлем Боровицкого холма, только Сретенский сохранил свой облик и структуру слободских улиц. Пока сохранил.

На Сретенке или в ее районе необходимо срочно создать информационный центр, открытый всегда и для всех, в котором можно было бы познакомиться со всеми замыслами архитекторов, со всеми находками историков. Нужны общественный контроль и общественная помощь. Иначе мы будем только терять и ничего не приобретать.

Опубликованный недавно для обсуждения проект генплана развития столичного региона предусматривает в числе многих других вопросов реконструкцию центра Москвы в пределах Садового кольца. Ее предполагается провести в первую очередь в кварталах, прилегающих к Китай-городу, Сретенке, Столешникову переулку, улицам Сивцев Вражек, Горького, Герцена, Кадашевской слободе. Будет приведен в порядок не только уже имеющийся жилищный фонд, но и создана дополнительная жилая площадь — для этого из центра предполагается вывести ряд НИИ, КБ, производственных, административно-деловых и складских объектов.

Однако пока остается открытым вопрос: а не ущемит ли реконструкция интересы коренных жителей старой Москвы, не случится ли так, что и им в один «прекрасный момент» придется переезжать за тридевять земель в новостройки?..

Лев Воскресенский

«НАШ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ»

Говорят, что в тот день, когда в продажу выбросили сборник «Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии», очереди к книжным прилавкам растянулись на сотни метров. Все 200 тысяч экземпляров разошлись в мгновение ока. Но если бы Политиздат вернулся к своему первоначальному намерению выпустить явный бестселлер 750-тысячным тиражом, все равно было бы мало.

Почему мы так настойчиво вглядываемся в нашу недавнюю историю? Почему именно сегодня возник столь живой и, если так можно выразиться, симпатизирующий интерес к Хрущеву?

Тут есть над чем подумать...

...Я виноват перед Никитой Сергеевичем не в большей мере, чем тысячи коллег-журналистов, но и не в меньшей. Мои заметки сугубо субъективны. Но если бы не был уверен, что такой же путь в переоценке итогового значения этого человека для судеб Родины прошли — или еще пройдут — многие-многие другие, то не стал бы и бумагу переводить.

«ТАЙНЫЙ СПИСОК» БЛАГОДЕЯНИЙ

В середине февраля 1963 года мне позвонил фотокорреспондент Кулешов, один из ветеранов Совинформбюро — АПН:

— К начальству вызывали? Ну вызовут. Значит, так: мы с тобой освещаем визит болгарской делегации, завтра переговоры на высшем уровне. Встречаемся в 9.00 у железной калитки. Понял?

Ничего я не понял. Что за калитка, где? Мне только раз, лет за шесть до того довелось побывать в Кремле: нас, студентов, водили в рабочий кабинет В. И. Ленина. Маршрут экскурсии проходил через служебные апартаменты Совета Министров. Запомнились вишневые таблички на дверях, на них золотыми буквами — фамилии, имена и отчества Молотова, Кагановича, Микояна... Вот и все, что мне было ведомо.

— Мальчонка,— вздохнул Кулешов.— Ладно, жди меня возле проходной у Спасской башни. Не бери никаких сумок, только блокнот. Не забудь повязать галстук: все-таки столкнешься нос к носу с Хозяином...

Звонок меня обескуражил. И не потому, что задание показалось сложным: я уже полтора года работал в АПН, а до этого — на телевидении в Омске, вел «прямой эфир», и написать отчет-репортаж не составляло труда. Загвоздка была в другом. Если определить мое тогдашнее отношение к Хрущеву, то можно ограничиться двумя словами: стойкая неприязнь. Льстили ему до неприличия, и поэтому я дал себе зарок: не писать о нем ни слова, не цитировать, даже имени не употреблять. А как же быть с репортажем при этаком «табу»?

Сейчас, четверть века спустя, пытаюсь разобраться: в чем причина именно такого восприятия Н. С. Хрущева?

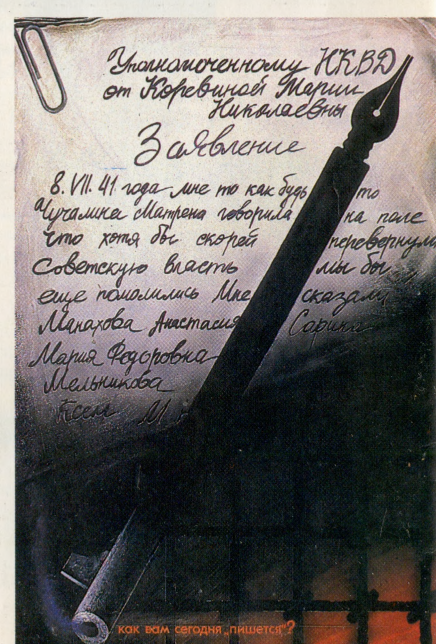
Говорят, княгиня Е. Дашкова составила список свершений Екатерины II: на одной стороне листа — благодеяния императрицы, а на дру-

Л. Кремнева.
ПАМЯТИ ЖЕРТВ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ

О. Кандауров.
ДОНОС

А. Ваганов.
КАК ВАМ СЕГОДНЯ «ПИШЕТСЯ»!

гой — ее прегрешения. Хорошо-то было Дашковой! Президент Академии наук, статс-дама и лицо, приближенное к высочайшей особе, она точно знала, что сделала ее повелительница, а чего не делала.

А что знали о Хрущеве мы, молодые журналисты? Что знал о нем народ? После смерти Сталина прошло только десять лет, все было окружено тайной. Читали газеты между строк, о чем-то догадывались, фантазировали, порой ошибаясь в самом главном.

Скажем, отмена зверского «зверевского» (по имени министра финансов Зверева) налога на приусадебные участки связывалась в народе не с именем Хрущева — ее подлинного инициатора, а с Маленковым, о котором в ту пору ходили слухи, что он племянник Ленина.

Так что ни я, ни мои многочисленные деревенские родственники не спешили благодарить Хрущева за новый сельскохозяйственный налог (как и, между прочим, за паспорта для крестьян-колхозников). Это одна из его первых и величайших заслуг. Не побоюсь сказать: именно Никита Сергеевич спас голодную деревню. Историческим событием был и сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК.

Известный доклад на XX съезде о культе личности Сталина зачитывался на факультетах МГУ партийному и комсомольскому активу, я его слушал и вопреки запрету конспектировал. Но опять же в моем представлении это было коллективное обращение всего руководства партии, то есть в равной мере и Хрущева, и Молотова, и Кагановича, и Ворошилова... О поистине титанических усилиях Никиты Сергеевича в разоблачении сталинщины, о его личном мужестве, за которое и мы, и наши потомки будем благодарны ему во веки вечные, я услышал много позднее. А поверил только после его отставки.

То же — с арестом Берии, с ликвидацией ГУЛАГа, с реабилитациями жертв сталинских репрессий. Благодарили Время, забывая о том, что ради прихода этого Времени кто-то должен был рискнуть головой. А ведь это он рисковал — Никита (как его называли в народе), рисковал намного больше, чем кто-либо другой, а если говорить о руководителях страны, то больше, чем все они, вместе взятые. Знать бы в те годы, что Ахматова называла себя «хрущевкой»! Но я не знал даже, жива ли и сама-то Ахматова. Мало кому было известно и то, что лично Хрущев дал добро на публикацию повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Сейчас все это может показаться наивным и искушенному, знакомому с фактами читателю, и тем, кто работал рядом с Н. С. Хрущевым. Но таких, как я, было большинство: народ не ведал, что происходит в Кремле, а многому, о чем говорилось открыто, даже если это было близко к истине, не верил. Единожды солгавшему — кто поверит? А Хрущев далеко не всегда говорил то, что думал. На XX съезде партии — одно, а через несколько месяцев, во время визита Чжоу Эньлая в Москву,— другое: «Мы не отдадим Сталина нашим врагам». После XXII съезда сталинские монументы волокут на свалку, а через полтора года Хрущев рассуждает об авторитете вождя. Если такой уж авторитет, зачем же, спрашивается, набрасывать на шеи его статуй петли из стального троса?! Сейчас понимаешь, что Никита Сергеевич был вынужден лавировать, а то и лгать людям (а порой, наверное, и себе) не по охоте, но... Нас, его современников, тоже надо понять.

В итоге получилось, что «список благодеяний» Хрущева оказался как бы тайным, он открылся для широкого круга людей недавно, буквально в последние два года.

Зато «список прегрешений»... О, все они были на виду! И обще-

ство в целом, и едва ли не каждый его социальный слой предъявляли Хрущеву свой счет.

Люто ненавидели Никиту Сергеевича вчерашние бериевцы: разгром, устроенный на Лубянке, ему не забыли до сих пор. Не любили его начальники средней руки, лишившиеся привилегий, персональных машин. Косо посматривали военные (кроме ракетчиков и технарей). Как-то И. С. Конев (еще при Хрущеве) обронил в разговоре: «Надо же додуматься: превратить генералов в свинопасов!» Он имел в виду широко разрекламированный газетами случай: во время сокращения армии один из отставных генералов действительно устроился на свиноферму — и трудился не без успеха.

Но все это говорило как раз «за» Хрущева. А вот отмена выплат по облигациям государственного займа («по просьбе трудящихся», естественно), повышение цен на мясо и масло («временное», конечно) — это работало «против».

Больно ударили по сельским жителям притеснения за содержание личного крупного рогатого скота. Продавая корову на убой, моя соседка-«молочница» плакала, как на похоронах, и открыто проклинала «Никиту». Сибирские директора совхозов и председатели колхозов, с которыми мне пришлось столкнуться в Омской области, стоном стонали из-за внедрения кукурузы и ликвидации чистых паров: на целине начались пыльные бури, урожайность падала, порой собирали меньше, чем сеяли. А рязанская авантюра («Три плана по мясу за год!»), закончившаяся смертью секретаря обкома Ларионова, только что получившего Героя Труда! А новое возвышение Лысенко, поддержанного лично Первым секретарем ЦК!..

Куда ни кинь — всюду клин. Хрущев, по сути дела, предал Г. К. Жукова, поддержавшего его в труднейшую минуту схватки со сталинистами. Имя маршала исчезло со страниц книг и газет: Хрущев как бы подсказал путь к западне принудительного забвения, в которую чуть позднее и сам угодит на двадцать с лишним лет.

А разделение обкомов! Популярный анекдот тех лет точно высмеивал результат администраторского пароксизма. Женщина пришла жаловаться в сельский обком на своего мужа. «А чем он вас ударил?» — «Молотком».— «Обратитесь в промышленный обком». Народ не смеется попусту.

А чего стоит «дело Пастернака»! А скандал, учиненный Хрущевым на выставке МОСХа в Манеже!

Иногда казалось, что он задался целью настроить против себя всех, кого только можно, или что кто-то сознательно подталкивал его.

И на фоне всего этого — безудержное, взвихрявшееся, бесстыжее славословие по худшим штампам сталинской пропаганды, воспевание очевидных для всех и каждого нелепостей, возвеличивание «нашего Никиты Сергеевича» и его «славного десятилетия». Фальшь и ложь ощущали даже сами те, кто славословил, воспевал и возвеличивал.

Думалось, не зря я дал себе зарок ни единым словом не включаться во всю эту свистопляску.

...И вот предстоит писать репортаж о переговорах Н. С. Хрущева с болгарской делегацией. Задание есть задание, служба есть служба.

ВЕПРЬ

Просторный продолговатый зал, обшитые деревом панели, окна, выходящие во внутренний двор треугольного кремлевского здания Совета Министров. Посредине зала — длинный стол для переговоров, покрытый зеленым сукном. «Оттуда Хозяин?» — «Оттуда»,— переговариваются охранники в настороженной тишине почему-то шепотом.

Подвигаюсь поближе к входу.

Ровно в десять дверь распахивается. Быстро входит, будто вкатывается, Хрущев с болгарским гостем, огибает стол справа и становится к стене напротив окон, позируя фоторепортерам. Негустая толпа сопровождающих чинно, строго по ранжиру втекает в зал: подтянутый, моложавый, широко улыбающийся Брежнев, глава государства и второй секретарь ЦК, хмурый, насупленный Косыгин, министры с папками в руках.

А Микоян почему-то отошел налево — к корреспондентам. Мы, журналисты, потеснились, и вот уже я ощущаю своим плечом плечо Анастаса Ивановича. Скашиваю глаза, хочу рассмотреть его повнимательнее. Живым я видел Микояна только однажды и издали — в детстве, во время первомайской демонстрации, на трибуне Мавзолея рядом со Сталиным, Калининым, Берией. Зато по фотографиям, многометровым портретам, развешиваемым в дни праздников на казенных домах всех городов страны, лик Микояна хорошо знаком — усы, характерный нос, лукавый прищур глаз. Но до чего же он не похож на свои изображения — гладенькие и отлакированные! Рядом со мной стоял низенький, щуплый, хрупкий старик: пигментные пятна на морщинистом лбу и запястьях рук, скорбное, какое-то «опущенное» лицо, а в глазах — равнодушие ко всему на свете и усталость, если не сказать тоска.

— Анастас, ты где там? — раздался зычный, немного в нос голос Хрущева.— Иди сюда.

Я почувствовал, как вздрогнуло и напряглось плечо Анастаса Ивановича. Он не торопясь обогнул стол. Брежнев и Косыгин расступились, Микоян встроился в парадный ряд. Мягко улыбался перед объективами, как все: на лице его не осталось и тени усталости...

Камеры трещали и щелкали минут пять. Можно было без спешки рассмотреть Хрущева вблизи, как картину на вернисаже.

При случае Никита Сергеевич одевал маску благодушного, попростецки улыбчивого рубахи-парня. Таким он обычно и представал со страниц наших газет: ретушь скрадывала тяжелые желваки, бородавки на носу и под правым глазом. На самом деле его лицо быстро менялось, маска спадала, и довольно часто он выглядел строгим, даже суровым. Этим умело пользовалась западная печать: она давала фотографии «ленточкой», последовательно запечатлевая менявшееся выражение лица нашего лидера. Репортеры жаловались: не удается сделать дубль, все 32 кадра пленки — оригинальные, неповторяемые сюжеты. То ли дело Брежнев — сидит спокойненько, как натурщица.

Накануне своего семидесятилетия Н. С. Хрущев выглядел на удивление бодрым и энергичным. Объяснение его отставки «состоянием здоровья» вызывало смех: миллионы телезрителей видели его накануне октябрьского (1964 г.) Пленума. Он говорил из Пицунды с тремя космонавтами, находившимися на орбите, балагурил, как обычно.

Невысокий, плечистый, не пухлый, а плотно сбитый. Короткие, оттопыренные, как у борца, руки с толстыми пальцами работяги. Круглая бритая голова с изморозью седины на затылке, уши торчком, маленькие, острые, буравящие глаза. Он напоминал бесстрашного вепря, идущего напрямик и напролом.

Хрущева считали хитрым. Думаю, что как раз наоборот, он был

бесхитростным, прямолинейным и прямодушным (разумеется, в максимально возможной и мыслимой для профессионального политика мере), полной противоположностью в этом отношении как своему предшественнику, так и преемнику. Будь Никита Сергеевич похитрее, поосмотрительнее, поподозрительнее, жаднее до власти, просидел бы он в своем правящем кресле минимум еще одно «славное десятилетие», да еще столько же, наверное, проносили бы его на подпорках, на локтях бравые ребята из охраны, как носили позже обвешанную звездами и регалиями куклу. Захотел бы — и до маршала дослужился. Да хоть до генералиссимуса! Своя рука владыка...

Вообще, трудно представить людей более несхожих, чем Хрущев и Брежнев. Хрущев не барствовал, не ленился, работал как пахарь с сохой — на износ: он был крайне любознателен и восприимчив ко всему новому, вникал в каждую мелочь (порой до обидного пустяковую, недостойную его «чина»); ничего не откладывал в долгий ящик, всегда и во всем торопился, погоняя других. Не чурался, как я не раз замечал на официальных приемах, рюмки-другой коньяка, и тогда мог сказать лишнее, но сибаритом и кутилой не был. Льстецов и подхалимов, заглядывавших в рот, возле него тоже хватало (а где их нет, и когда только они переведутся?!), но ворюг, беспардонных взяточников в его кругу не оказалось. А ведь недаром говорят: «Каков поп, таков и приход». В чем угодно можно упрекнуть Никиту Сергеевича, но только не в использовании служебного положения в личных целях. Он был бескорыстен, что уже само по себе немало для человека, наделенного властью и возможностями, какие и не снились многим монархам. Не только о дачах и личных машинах, рухляди и бронзулетках для чад, домочадцев и наследничков речь не шла: он всю жизнь спал да и умер на казенной кровати с инвентарным номером. Хоронили его без помпы, зато скорбели искренне — его друзья и потомки, люди достойные, которыми он по-отцовски гордился. Тоже немало: и Сталин и Брежнев могли бы ему позавидовать...

Поговорка уверяет, что зеркало души — глаза. А речь?

И с трибуны, и в рабочем общении Хрущев говорил сочно, образно, порой длинно (анекдот тех времен: в «Правду» можно завернуть слона, если в ней напечатана речь Первого), но никогда не занудливо, всегда с напором и отчетливым смыслом. Другое дело — каким был смысл... Его публичные выступления доставляли немало хлопот редакторам, их тексты латали и тщательно отглаживали, но живой голос оратора от этого не исчезал. Можно полистать старые подшивки и убедиться: личность лидера мощно проступает с газетной полосы, чего не скажешь о Брежневе, а тем более о Черненко.

Некоторые соратники Хрущева безуспешно пытались подражать его манере. Как-то мой товарищ из «Труда» писал для одного из них проект речи. Тот просмотрел, одобрил и наложил резолюцию: «Добавить пару юморов». Ну полистали словарь Даля, добавили. «Юморы» попали в речь и были зачитаны тягучим, заунывным голосом. Слушатели даже не улыбнулись.

А Хрущев... Смотрит в зал удовлетворенно, усмехается (речь идет о каком-то достижении страны) и басит в микрофон: «А мы — тоже: не ноздрей мух бьем». Такие штуки из него буквально сыпались, но до газетной полосы, понятно, не доходили.

Скажу откровенно: каждый раз сталкиваясь «нос к носу с Хозяином», я помимо воли и вопреки укоренившейся неприязни испытывал к нему простую человеческую симпатию. И всякий раз после очередного его «выброса» (будь то непристойная выходка с ботинком в ООН, будь то издевательские окрики в адрес молодых поэтов и художников) симпатии рушились в прах, пока совсем не исчезли — раз и навсегда.

ТРАГЕДИЯ

Репортаж о советско-болгарских переговорах я сдал в положенный срок. Прочитав его, редактор поморщился: «Все верно, но очень сухо. О Никите Сергеевиче надо писать потеплее, посердечнее. Учти на будущее».

В отличие от большинства наших коллег редактор публично восхищался Первым секретарем. Помню такой случай. Август 1962-го. Идет прямой репортаж о прибытии в Москву космонавтов. Возле телевизора в редакторском кабинете толпа. На трибуне Мавзолея Гагарин, Титов и двое новых — Николаев и Попович, а между ними стоит Хрущев.

— Уже четверо! — восторженно говорит, глядя на экран, простодушная секретарша редактора.— Космическая семья.

— Почему четверо? — ворчит редактор.— Пятеро...

Мы переглядываемся: может быть, кого-то еще запустили; все, как обычно, держится в строжайшей тайне, но редактор может знать.

— А Никиту Сергеевича забыли? Космический отец. Пятеро! — изрекает шеф, блаженно и подобострастно улыбаясь.

Всем неловко слушать эту чушь. Чувствуешь себя, как...

Но этот нелепый эпизод не случайно вспомнился мне в день достопамятного октябрьского Пленума ЦК 1964 года, положившего конец «славному десятилетию» Хрущева.

Утром начались межредакционные звонки. Из «Известий»: «Аджубей освобожден от должности главного редактора». Первые домыслы: «Хрущевского зятя назначили министром иностранных дел» (после его визита в Ватикан и в ФРГ ходили и такие слухи.) Но из «Правды» звонят: снят Сатюков. Значит, происходит что-то не то.

К концу дня редактор собирает заведующих отделами, и через полчаса все уже известно: Хрущева — на пенсию, Брежнев — Первый секретарь, Косыгин — Председатель Совета Министров. Завтра будет сообщение в печати...

Стоим в коридоре, курим, обсуждаем новость. А тут идет мимо наш редактор. Остановился, хлопнул кого-то по плечу:

— Ну что, ребята, избавились от скверны? Хорошо! — И, довольно потирая руки, прошествовал в туалет.

Я не знал, куда девать глаза от стыда. И это он-то говорит о «скверне»? А как же «космический отец»? А указание: «Пиши о Никите Сергеевиче потеплее»? Неужели он думал, что у нас уши заложило и память отшибло? О, времена! О, нравы!.. Чему, впрочем, удивляться, если сам Брежнев еще в недавнем апреле, вручая Хрущеву Звезду Героя Советского Союза по случаю 70-летнего юбилея, лил ему елей?!

На следующий день я специально поехал на работу пораньше: хотелось посмотреть, как отреагирует на смену власти народ в электричке, утренняя рабочая публика.

Как? НИКАК! Один работяга глянул на первую полосу газеты, скользнул глазами по портретам двух новых лидеров и молча перевернул ее. Так же вел себя и другой, и третий пассажир... Ни охов, ни вздохов, ни реплик.

Кабинеты, комнаты редакций, творческие дома и рестораны гудели,

как потревоженные ульи, а народу все это было, говоря хрущевским языком, до фени, до лампочки.

Вот в чем, по-моему, истинная трагедия и Никиты Сергеевича, и нашего общества. Парадокс: похороны тирана в 1953 году сопровождались массовой истерией, слезами и воплями (не говоря о давке на пути к Колонному залу, гибели растоптанных толпой людей — новой Ходынке), а политическая кончина человека, положившего конец тирании, не затронула сердце народа.

Мне кажется неуместным говорить о трагедии применительно к Сталину. Трагедия предполагает раздвоение, разлом личности, внутреннее убийственное противоборство добра и зла. Сталин же был цельным человеком в родной ему среде: монолитный изверг в планктоне тирании. Точно так же нет трагедии Берии, Вышинского, Ягоды, Ежова, Абакумова, Деканозова, Гоглидзе, Мешика, Влодзимирского, Багирова и других палачей рангом поменьше (вроде Фриновского или Рюмина, которых, собственно, и людьми назвать нельзя), хотя смертный час каждого из них не был сладким. В конце концов, личные страдания тиранов и геростратов — прежде всего предмет анализа психопатологов. Что же касается личной и политической драмы Хрущева — сáмой, по-моему, трагической личности нашей эпохи,— то этот феномен еще ждет объективного, спокойного исследователя, заинтересованного только в одном — в правде.

Однажды я ходил по мастерской Э. Неизвестного — по его старой московской мастерской в районе Проспекта Мира (лучше сказать: Первой Мещанской). Рассматривая проекты грандиозных композиций, вдруг увидел на полке стеллажа маленькую, с кулак, головку. Хрущев! Я глазам не поверил: помнил, как Первый секретарь поносил скульптора в Манеже, а о том, что Сергей Хрущев по завещанию своего отца заказал Неизвестному надгробный памятник на Новодевичьем кладбище, еще не знал.

— Это что такое? — спрашиваю у Эрнста.— Это же похоже на...

— Похоже? — перебивает Неизвестный.— В самом деле? Хорошо, что похоже!..

Вот и хочется, чтобы в трудах историков Никита Сергеевич Хрущев был столь же похожим на самого себя, как на памятнике работы Э. Неизвестного: лицо, врезанное в рваный мраморный стык — на границе черного и белого.

Поистине: большое видится на расстоянии. Хрущев искренне хотел добра народу, но народ его не понял. Да и можно ли понять, если человек этот пытался загнать нас в рай... знакомой сталинской палкой! Кто виноват? Что виновато? Или дело в генетическом коде, заложенном в натуру русского революционера еще бог знает когда — на заре прошлого века: извечное нетерпенье в добывании счастья для народа и такая же нетерпимость в отношении тех, кто добывает его иным способом? Кто вправе облагодетельствовать людей, не спрашивая их, хотят они того или не хотят?

Как бы то ни было, но если бы знать в октябре 1964 года, в какое болото заведут нас преемники Хрущева, и как долго — целых двадцать лет! — мы будем брести в трясине, в пору бы грудью встать на защиту Никиты Сергеевича.

Не хотелось бы впредь быть сильными задним умом.

Пойдет ли нам на пользу горький урок Хрущева?

Эмма Герштейн

МЕМУАРЫ И ФАКТЫ

(Об освобождении Льва Гумилева)

Анна Ахматова. Портрет работы А. Тышлера. 1943

Последние годы, и особенно год нынешний, объявленный ЮНЕСКО годом Анны Ахматовой, отмечены появлением немалого числа публикаций, значительно расширяющих и углубляющих наши знания и представления о великом русском поэте.

Впервые увидели свет на родине Ахматовой ее поэма «Реквием»; цикл «Черепки» и «пропущенные» строфы из «Поэмы без героя» (их, кстати, напечатал наш «Горизонт» — см. № 4 за 1988 г.); ряд стихов 20—60-х годов, незнакомых по цензурным причинам советскому читателю раньше. Большое место на страницах книг, альманахов, журналов заняли воспоминания об Ахматовой ее современников.

К сожалению, при всей значительности «ахматовианы» многие страницы биографии поэта по-прежнему остаются неизвестными (или почти неизвестными) широкой публике. Именно поэтому возможны утверждения такого рода, как: «В послевоенные годы, несмотря на тяжкие испытания... она (Ахматова.— *Ред.*) продолжала неутомимо и плодотворно трудиться. Появляются ее стихи, посвященные благородному делу отстаивания мира, она пишет произведения, исполненные гуманизма и страстной защиты жизни» (из предисловия А. Павловского к кн.: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. Л.: Лениздат, 1989). Возможны и многими принимаются за истину. Тем более если утверждения эти «подкреплены» публикацией (в указанном сборнике) стихов из цикла «Слава миру» — без каких-либо комментариев и вопреки запрету Ахматовой на перепечатку этих стихов, появление которых на свет она объясняла трагически просто: «Кидалась в ноги палачу...»

Мемуарный очерк Эммы Григорьевны Герштейн, друга Анны Андреевны еще с 30-х годов (они познакомились в доме Осипа Эмильевича Мандельштама), дает возможность увидеть, что в действительности стояло за этими, да и многими другими ее строками. Например, из эпиграфа к «Реквиему»: «Я была тогда с моим народом / Там, где мой народ, к несчастью, был...»

Написанный по вполне конкретному поводу — в связи с выходом на Западе мемуаров Н. Я. Мандельштам, книг, безусловно, ярких и талантливых, но одновременно и весьма тенденциозных, местами несправедливых и неточных,— очерк Э. Герштейн имеет вместе с тем непреходящее значение как свидетельство едва ли не единственного очевидца некоторых моментов биографии Анны Ахматовой.

Впервые опубликованный в 1976 году в американском журнале «Russian Literature Triquarterly», № 13 (Ann Arbor, Ardis), и через год переизданный тем же издательством в сборнике «Анна Ахматова. Стихи. Переписка. Воспоминания. Иконография», сегодня этот очерк становится достоянием и наших читателей.

РЕДАКЦИЯ

В книгах Надежды Мандельштам «Воспоминания» (1970) и «Вторая книга» (1972) [1] рассказано о том, как мемуаристка хлопотала у секретаря Союза писателей об освобождении Льва Николаевича Гумилева. По ее словам, А. А. Сурков «отрекся от Левы Гумилева» после венгерских событий, и сына Ахматовой освободила «специальная комиссия» после XXII съезда партии. Это не соответствует истине. Л. Н. Гумилев был освобожден 14 мая 1956 года, а венгерские события разыгрались через полгода (октябрь — ноябрь 1956-го), XXII съезд проходил в 1961 году, а «специальные комиссии» были созданы на местах после XX съезда, который проходил в феврале 1956 года. Одна из таких комиссий действительно освободила и реабилитировала Л. Н. Гумилева, но в это время дело его уже было опротестовано Генеральным прокурором, и 2 июня 1956 года Верховный суд СССР, в свою очередь, вынес решение о реабилитации.

Все это имеет прямое отношение к биографии Анны Ахматовой и принадлежит истории. Поэтому я считаю целесообразным подробно изложить, как было дело.

Лев Николаевич Гумилев был арестован 6 ноября 1949 года. Я узнала об этом в декабре от одной ленинградки, которая видела Анну Андреевну на приеме у городского прокурора. По словам моей знакомой, из-за двери кабинета слышались грубые мужские окрики, затем оттуда вышла высокая женщина с гордо откинутой головой, вся ее фигура выражала напряженное страдание. «Кто это?» — невольно спросила моя собеседница. Ей шепнули из очереди: «Это — Ахматова. Она пришла сюда из-за сына».

Я отправилась к Ардовым [2], ужасная весть подтвердилась. «Что же вы мне не сказали?» — «А чем вы могли мне помочь?» — ответила Нина Антоновна и сообщила, что, лежа одна, в нетопленой комнате, Анна Андреевна написала стихи Сталину и переслала их ей, Ольшевской. Нина передала их А. А. Фадееву. Стихи были напечатаны в «Огоньке» в начале 1950 года.

В первый же визит к ленинградскому прокурору Анна Андреевна узнала, что Лев отправлен в Москву. Она приезжала сюда раз в месяц, передавала в окошко Лефортовской тюрьмы 200 рублей и получала расписку. Она просила меня запомнить, что эти деньги ей давала М. С. Петровых [3].

В сентябре 1950 года приговор был вынесен: 10 лет в лагерях строгого режима. Льва Николаевича отправили в Карагандинскую область. Переписка была ограничена. Ежемесячно Анна Андреевна отправляла сыну продовольственные посылки (общий вес не более 8 кило вместе с ящиком), которые собирала и увозила куда-то за город на почту NN — сослуживица Льва Николаевича по этнографическому музею.

Весной 1951 года Анна Андреевна надолго задержалась в Москве. Она жила у Ардовых. В мае я спросила ее, идут ли посылки Леве. Оказалось, что в Ленинграде Анна Андреевна денег на это не оставляла, так как намеревалась посылать сама из Подмосковья, но это ей не удавалось. Однажды Анна Андреевна поехала за город к Эренбургу, я посоветовала ей послать оттуда — она посмотрела на меня с ужасом: это было бы величайшей бестактностью по отношению к Илье Григорьевичу.

28 мая 1951 года Анну Андреевну положили в больницу с диагнозом «предынфарктное состояние», и уже там у нее был тяжелый инфаркт. Когда она пришла в себя, я с чрезвычайными предосторожностями (в палате было шесть человек) посоветовалась с ней насчет организации и финансирования ею посылки Леве и выполнила все ее поручения. С тех пор во время пребывания Анны Андреевны в Ленинграде посылки продолжала отправлять NN, а когда Ахматова жила в Москве, это стало моей обязанностью. Деньги у Анны Андреевны уже появились — она начала заниматься переводами.

После смерти Сталина все помыслы Анны Андреевны были направлены на освобождение Льва Николаевича. Однако положение долгое время оставалось неопределенным. В каждой школе и в каждом учреждении продолжали изучать постановление Центрального Комитета партии 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором, как известно, Ахматову грубо поносили. Оставаясь, таким образом, опальной, Анна Андреевна не решалась обращаться в правительство с ходатайством о пересмотре дела своего сына. При этом многие ее убеждали, что получить отказ еще хуже, чем ничего не предпринимать.

Летом 1953 года мы были на похоронах художника А. А. Осмеркина. К Ахматовой подошел архитектор Лев Владимирович Руднев, строивший тогда здание Московского университета на Ленинских горах. Он сказал ей, что часто встречается с К. Е. Ворошиловым, который запросто называет его «борода». Руднев предложил свое посредничество для хлопот о Л. Н. Гумилеве. Анна Андреевна выждала еще некоторое время. В январе-феврале 1954 года, в Москве, она решилась воспользоваться предложением Руднева.

Надо было сочинить просьбу на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР (Ворошилова). На столе у Ахматовой уже лежал проект письма, составленный Лидией Корнеевной Чуковской. Мы повозились с текстом дополнительно, после чего я повезла письмо к Рудневу. Он жил в новом доме на одной из Садовых улиц, где-то между площадью Маяковского и Зубовской, занимая весь верхний этаж. Руднев при мне позвонил по телефону личному адъютанту Ворошилова, осведомился, знает ли он, кто такая Ахматова, и, получив утвердительный ответ, спросил, возьмется ли тот передать ее письмо прямо в руки Ворошилову. Адъютант согласился. Руднев при мне же написал Ворошилову от себя, заканчивая письмо уверением, что горе мешает Ахматовой писать стихи. На следующий день мы отправились с Анной Андреевной к будке у Троицких ворот Кремля, где, предъявив свой паспорт, Ахматова передала конверт с обоими письмами условленному лицу из комендатуры.

Обнадеженные, мы ждали быстрого результата.

Ответа не было. Прошло полгода.

— Это и есть ответ, — объяснял мне Николай Иванович Харджиев [4] и советовал в следующем письме ориентироваться на подразумеваемый отказ. На этот раз прошение адресовалось Маленкову. Ахматовой уже было известно имя его референта, который должен был передать ее письмо. Но при таких условиях сочинить что-нибудь было очень трудно.

Уже летом В. Е. Ардов мне сказал, что письмо на имя Ахматовой пришло. Но оно было не из Верховного Совета, а из Прокуратуры СССР, которая извещала «гражданку Ахматову», что для пересмотра приговора Гумилеву нет никаких оснований.

Ардов хотел скрыть от Анны Андреевны этот казенный отказ. «Подождем немного, пусть спадет жара», — озабоченно говорил он, но я противница таких методов. Обсуждая очередной вариант ходатайства перед правительством, я так повела речь, что Анна Андреевна сама спросила: «А может быть, уже есть отказ?» Я подтвердила и протянула ей письмо.

Анна Андреевна вся подобралась, лицо ее стало жестким и отчужденным. После этого она более недели была больна и не хотела меня видеть.

Ахматова считала, что после постановления 1946 года Ворошилов не стал бы единолично решать ее судьбу и, следовательно, сухой отказ, полученный через полгода после подачи просьбы в руки Ворошилова, исходил от нового правительства. Положение становилось безнадежным.

С тех пор Анна Андреевна прониклась убеждением, что подавать ходатайства от своего имени ей не следует.

Впоследствии я дважды имела случай убедиться в ее правоте. В первый раз — в приемной Военной прокуратуры, начальник которой был очень любезен со мной, когда я приходила говорить о деле Льва Николаевича, но Ахматову встретил волчьим взглядом, не отвечал на ее вопросы и даже не попросил ее сесть (и сам не сел). Второй раз — в разговоре с начальником следственной части Военной прокуратуры, когда я услышала от него, что после первоначального отказа Прокуратуры СССР ставить дело Л. Гумилева на пересмотр очень трудно.

Между тем, не зная о первом отказе и не понимая политического положения Ахматовой, некоторые люди распускали слухи, что Анна Андреевна бездействует и не хочет хлопотать о сыне.

NN уговаривала Анну Андреевну, чтобы она связалась с Н. И. Г., недавно вернувшейся из лагеря и реабилитированной. NN была уверена, что стоит Ахматовой написать в Верховный Совет или в другую высокую инстанцию, а Н. И. Г. попросить Г. М. Кржижановского (помогшего ей самой) передать эти письма «выше»,— как Лев Николаевич будет на свободе. Анна Андреевна написала еще одно заявление и поступила с ним так, как советовала NN.

Ничего не воспоследовало.

Только через несколько недель NN призналась, что Кржижановский письма́ не принял и был возмущен, что к нему обращаются с просьбами об Ахматовой, «упадочном поэте», в то время как в его заступничестве нуждаются члены семейства партийных вождей, погибших в ежовские и бериевские времена. Письмо Ахматовой осталось где-то в Москве, у матери Н. И. Г., и мы к ней поехали. Анна Андреевна была оскорблена тем, что ее письмо о сыне лежало в чужом доме в открытом ящике стола и было возвращено ей только тогда, когда она сама за ним пришла.

За это время академик Василий Васильевич Струве написал от своего имени ходатайство, характеризуя Льва Николаевича как талантливого ученого-востоковеда. Он оставил пустое место для обращения, вручил свое письмо Анне Андреевне с тем, чтобы она воспользовалась им по своему усмотрению. Но случая подать его еще не было.

В конце декабря 1954 года Ахматову выбрали делегатом на съезд писателей. Не помню, знал ли об этом Лева, но перед открытием съезда я получила от него телеграмму (переписка лагерников уже не ограничивалась, Лева находился теперь под Омском). Телеграмма гласила: «Напомните маме обо мне похлопотать». «Напомните»... Как будто она могла хоть на минуту о нем забыть!

После заключительного заседания съезда в Кремле был назначен прием. Анна Андреевна не знала, следует ли ей идти, и, чтобы предупредить неловкость, сказалась больной. Но к ней в номер (делегаты жили в гостинице «Москва») пришел председатель ленинградской делегации и еще кто-то, сказавшие: «Вставайте, надо ехать в Кремль». Она поехала.

Лев Николаевич и его друзья-солагерники воображали, что Ахматова крикнет там во всеуслышание: «Спасите! У меня невинно осужденный сын!» Лев Николаевич не хотел понимать, что малейший ложный шаг Ахматовой немедленно отразился бы пагубно на его же судьбе. Вместо этого наивного проекта Анна Андреевна переговорила на съезде с Эренбургом. И он взялся написать «наверх» об Ахматовой (она уже была делегатом съезда, не забывайте), приложив письмо Струве о ее сыне.

Перед самым новым, 1955 годом я проводила Анну Андреевну к Эренбургу на его московскую квартиру. После новогодних праздников он сообщил ей, что выполнил свое обещание, причем написал письмо на бланке депутата Верховного Совета СССР и направил его вместе с ходатайством Струве лично Н. С. Хрущеву.

Прошел январь, февраль, март — ответа не было.

Молчание Хрущева Эренбург принял как знак немилости к себе. Анне Андреевне говорить с Ильей Григорьевичем на эту тему было невозможно.

Весной по советам бывалых людей я пошла в приемную Главной военной прокуратуры (ул. Кирова, 41) справиться, не переслано ли туда письмо Эренбурга из секретариата Хрущева. У меня была доверенность Ахматовой, но начальник приемной не оставил ее у себя и предложил мне явиться через месяц — в более быстрый срок справки не наводились. Через месяц, выстояв, как всегда, целый день в очереди, я получила ответ: «Да. Поступило. Жалоба пришла 19 апреля, запишите номер дела Гумилева — 7-50043-49, оно взято под особый контроль, проверяется, раньше, чем через месяц, не приходите». Я ходила каждый месяц, а иногда по мере надобности и чаще. В июле мне сказали, что дело Л. Н. Гумилева только сейчас поступило в Главную военную прокуратуру из союзной.

Чтобы ускорить дело, Анна Андреевна решила обратиться к М. А. Шолохову. Она мне рассказала, что в прошлое «сиденье» Левы (по делу 1938 года) Шолохов присылал к ней человека с предложением хлопотать об его освобождении. Но вскоре началась война, и нельзя было ничего предпринимать.

Теперь Анна Андреевна хотела напомнить Шолохову о его былом намерении.

Ардову удалось узнать номер телефона московской квартиры Шолохова, и, когда он приехал сюда летом из своей станицы, Ахматова позвонила ему, получила приглашение и была принята с почетом. Раза два после этого Анна Андреевна звонила Шолохову в назначенное время и получала ответ: «проверяют», «подняли дело» и т. п. Затем Шолохов уехал.

Между тем Н. Я. Мандельштам пошла на прием к первому секретарю Союза писателей А. А. Суркову, чтобы просить помощи в своем трудоустройстве и говорить о литературном наследии Осипа Мандельштама. Она вернулась ликующей и, рассказывая о беседе, коснулась ахматовского дела. По ее тогдашним словам, А. Сурков, возмущаясь былыми нарушениями законности, говорил об Анне Андреевне: «А как настрадалась Ахматова, пока не вернулся ее сын».— «Как вернулся? Он до сих пор в лагере»,— вскричала Надежда Яковлевна. «Не понимаю, почему же Ардов мне сказал, что сын Ахматовой уже реабилитирован?» — недоумевал Сурков и хотел тут же позвонить Ардову, чтобы выяснить недоразумение и, получив от него необходимые ориентиры,

начать действовать от имени Союза писателей. Н. Я. его остановила, сообщив, что этим делом занимается не Ардов, а Герштейн, у которой и можно получить необходимую информацию. Сурков попросил меня прийти к нему на прием в союз вместе с Н. Мандельштам, что и произошло на следующий день. Вскоре она уехала в Чебоксары, приглашенная на работу педагогическим институтом, а я продолжала поддерживать связь с Сурковым, сообщая ему о ходе дела в прокуратуре и проч.

Тем не менее дело двигалось медленно, вернее совсем не двигалось. Наблюдались неприятные симптомы. Например, через какие-то интервалы времени Анна Андреевна вновь звонила Шолохову, и ей казалось, что с каждым разом голос его становился все мрачнее и мрачнее. В то же лето 1955 года у нее установилась связь с известным востоковедом Николаем Иосифовичем Конрадом. Но, несмотря на его усилия, ему тоже не удалось добиться хотя бы одного обнадеживающего слова. Кажется, я даже не рассказала Анне Андреевне об одной неудачной попытке Конрада. Он был прикреплен к кремлевской поликлинике, и к нему приезжал врач, лечащий также П. Н. Поспелова, секретаря ЦК, руководителя идеологической работы, академика. Конрад попросил своего лечащего врача передать Поспелову письмо, в котором ходатайствовал о пересмотре дела востоковеда Л. Н. Гумилева. Врач передал просьбу Конрада, Поспелов прочел, но ничего не ответил ни устно, ни письменно.

Анна Андреевна познакомилась с Конрадом, когда работала над переводами из корейской и китайской поэзии для Гослита. В это время началось издание многотомной всеобщей истории, и Конрад хотел привлечь к участию в этой работе Л. Н. Гумилева, не дожидаясь его освобождения (с крупными специалистами это иногда делалось). Особенно горячо отнесся Конрад к Гумилеву, когда прочел его рукопись (20 листов) по истории Срединной Азии, которую Лев написал в лагере и ухитрился переслать мне в октябре 1955 года. Перепечатав на машинке, я отнесла ее Конраду. С какой нежностью он держал в руках, как будто взвешивал каждую, четыре красные папки, в которые я вложила рукопись [5]! Но, как видим, рекомендации и усилия этого авторитетного ученого не дали желаемого результата.

К концу 1955 года относится еще одна попытка, сильно подействовавшая на Ахматову.

В этот период она как-то особенно сблизилась со своими старыми знакомыми — поэтами Георгием Аркадьевичем Шенгели и Ниной Леонтьевной Манухиной. Я нередко посещала вместе с Анной Андреевной этот дом и наблюдала, какой теплый прием ей здесь оказывали. У Г. А. Шенгели по воскресеньям бывал друг его детства — писатель С. И. Малашкин. Он каждый день обедал в какой-то закрытой столовой вместе с прокурорами. Он переговорил об Ахматовой с заместителем Генерального прокурора СССР Мишутиным. Мишутин назначил Анне Андреевне день приема (22.XII. 55). Разговаривая с ней, он перелистывал толстое дело и, по словам Ахматовой, с каждой минутой становился все мрачнее и неприступнее. Когда Анна Андреевна убедилась, что он ничего даже не обещает, она спросила: «А можно ли по закону два раза отбывать наказание за одно и то же преступление?» Прокурор ответил: «Можно».

Так рассказывала мне Анна Андреевна, когда мы уже вышли из здания прокуратуры на Пушкинской улице. (Я ждала ее у секретаря перед входом в кабинет Мишутина, мне тоже был выписан пропуск.) Пока мы дошли до стоянки такси на Советской площади, у Ахматовой

начались сильные боли. В машине ей стало совсем плохо. Дома (на Ордынке у Ардовых) она сразу слегла. Вскоре ее отвезли в больницу, оказалось — аппендицит, но на операцию врачи тогда не решились.

В том же декабре Анна Андреевна просила меня поехать в Ленинград к профессору Михаилу Илларионовичу Артамонову, тогда директору Эрмитажа, хорошо знавшему Леву со времен юности: он брал его с собою на археологические раскопки. Анна Андреевна давно стремилась обратиться к Артамонову, но NN всегда энергично отговаривала ее от этого: «Он коммунист, и ему неудобно». Но теперь характеристика Левы, написанная Артамоновым, была необходима Ахматовой, и вот почему.

Еще в сентябре В. В. Струве получил письмо от своего бывшего ученика, освободившегося из лагеря, где он два года сидел вместе с Львом Николаевичем. Он писал Василию Васильевичу о своем друге: «Все его несчастье в том, что он — сын двух известных поэтов-неудачников и обычно его вспоминают в связи с именами родителей, между тем как он — ученый и по своему блестящему таланту не нуждается в упоминании знаменитостей, чтобы его признали».

Струве передал Анне Андреевне копию этого письма вместе со вторым ходатайством. Последнее было им составлено при помощи профессора Б. В. Казанского. Ахматова была тронута усердием обоих ученых и отозвалась ласково: «Старики потрудились».

Помимо письма́ Струве в распоряжении Ахматовой было также письмо историка и археолога Алексея Павловича Окладникова. Но, несмотря на то что имена этих крупных ученых говорили сами за себя, Анна Андреевна желала получить подобное письмо от М. И. Артамонова, потому что он хорошо знал ее сына и как человека, и как ученого. Аттестация Льва Николаевича была нужна Анне Андреевне не только в интересах дела, но и для удовлетворения душевной потребности: она неоднократно мне жаловалась, что за ее спиной о ней говорят как о несчастной матери никудышного сына, а Леву представляют чуть ли не уголовником. Это терзало ее сердце больше, чем вечные укоры мнимых друзей Льва Николаевича, воображавших, что о нем никто не хлопочет, и приходивших к Анне Андреевне со своими смехотворными или запоздалыми советами. Особенно курьезны были два доброжелателя: первый — актированный бывший заключенный, который назвал фамилию одного из мелких чинов в приемной Главной военной прокуратуры и уговаривал Ахматову обратиться к нему — и тогда, уверял этот простодушный человек, Лева непременно будет дома; так уже было с каким-то их товарищем.

Другой, считавшийся родственником Левы и не пославший ему, по выражению Анны Андреевны, «ни обгорелой спички», пришел к ней (это было в моем присутствии), вынул бумажку с адресом «ул. Кирова, 41» и указал на Главную военную прокуратуру как на панацею от всех бед. Как ни оскорбительно было это недоверие к ней, Анна Андреевна и виду не показала своему собеседнику, что он говорит вздор.

Итак, я поехала в Ленинград, к Артамонову.

Прочитав письмо Ахматовой, он долго молчал, прежде чем выговорил: «Я очень рад, что Лев жив. Я считал его погибшим».

Он написал вдумчивую и пространную характеристику Льва Николаевича, ходатайствовал о пересмотре его дела и оформил эту бумагу официально, беря на себя ответственность за каждое свое слово.

Я вернулась домой в конце декабря 1955 года.

Все три бумаги (Артамонова, Струве и Окладникова) были немедленно отнесены мною в Военную прокуратуру для присоединения к делу Л. Гумилева. Разумеется, я сняла с них копии, так как Анна Андреевна обязательно хотела познакомить с ними всех, кто принимал участие в хлопотах. У меня сохранилось даже ее неотправленное письмо к М. А. Шолохову. Она посылала ему копии. «Может быть, они Вам пригодятся. Во всяком случае, я хочу, чтобы Вы их прочли и знали, за кого Вы просите»,— писала она 16 января 1956 года. Это письмо не понадобилось, потому что Шолохов вскоре приехал в Москву. Но Анна Андреевна в это время лежала в больнице и не могла сама ни поехать к нему, ни позвонить. Она поручила это сделать мне. У меня создалось впечатление, что, услышав мою незнакомую фамилию, он ответил неприветливо, я сбилась, и Шолохов нетерпеливо оборвал меня: «Ну, я уже слышал, что Ахматова в больнице, а дальше что?» Впрочем, он назначил мне день, чтобы позвонить ему после того, как он вновь наведет справки. Но Анна Андреевна запретила мне это делать: «Ему говорят, что писатель, товарищ, лежит в больнице, а он отвечает: «я уже слышал». Не звоните больше, он ничего не сделает». Так и остались не доставленными Шолохову копии писем ученых о Льве Николаевиче.

К Суркову я пошла, дождавшись ответа Льва Николаевича на мой запрос. Дело в том, что в предыдущий мой визит Сурков сказал: «Дело с Л. Гумилевым, видимо, очень сложное. Вероятно, он в чем-то виноват». Я хотела ему возразить, точно указав на формулировку обвинения, но этого-то мы как раз и не знали. Ленинградский прокурор 50-го года и не думал посвящать Ахматову в такие тонкости. Лева сам в письмах к матери сообщал, в чем его обвиняют, но в общих чертах. А мне в прокуратуре ни за что не хотели назвать его статью. Как только Л. Н. мне ее сообщил, я, захватив копии характеристик, пошла к Суркову.

Из уважения к Ахматовой он всегда принимал меня в первую очередь, но встретил так: «Знаете, мясорубка мясорубкой, нарушения законности, конечно, были и в деле Л. Гумилева, но все-таки он, видимо, совершил государственное преступление»[6].— «Нет, не совершил»,— могла я сразу ответить с легким сердцем, потому что в руках у меня было Левино письмо от 19.XII (1955). Он писал: «Еще удивительнее для меня, что Вы до сих пор не знаете моей статьи. Вот она: 17-58-8,10. Содержание дела: дважды привлекался: в 1935 году с составом преступления — разговоры дома — и в 1938 году «без состава преступления, но, будучи осужден, считал свой арест ничем не оправданной жестокостью». Считал, но не говорил. Осужден в 1950 году как «повторник», т. е. человек, коему решили продолжить наказание, без повода с его стороны (т. е. с моей). Вот и вся официальная часть программы. Выяснять тут нечего, и поэтому, если дело не движется, т. е. не дает результатов, значит, лежит и дожидается резолюции какого-то высокого решителя».

С содержанием всех документов я ознакомила А. А. Суркова, и он тотчас снял телефонную трубку и позвонил при мне заместителю военного прокурора Терехову. Это имя было нам уже известно: о Терехове говорили в Москве, что он прикомандирован Центральным Комитетом к Военной прокуратуре, чтобы ускорять и контролировать проверку дел осужденных так называемой «тройкой», т. е. Особым Совещанием. Эти дела были выделены в специальную группу, к ней относилось и дело Льва Николаевича, что ознаменовалось даже переменой индекса: не 7-50043-49, как было раньше, а 12-50043-49.

Разговор с Тереховым А. Сурков начал с имени Ахматовой, о которой он сказал ряд одобрительных слов: о ее поведении на встрече с оксфордскими студентами, о том, что она была делегатом на съезде писателей, о ее выступлении в «Огоньке» и переводческой работе. Далее он остановился на судьбе Гумилева-поэта: у него, мол, был сложный путь, приведший его к контрреволюции, «мы его расстреляли, а вот сыну его», продолжал Сурков, «тогда шел девятый год, теперь это взрослый мужчина, ученый», и тут Сурков дал Льву Николаевичу характеристику, основанную на лежащих перед ним копиях писем ученых[7].

И все-таки в прокуратуре я не чувствовала сдвига. Я была у начальника следственной части Главной военной прокуратуры, о чем я уже упоминала. Перед ним тоже лежало толстое дело, перелистывая которое он ссылался на обилие материала, подлежащего проверке. Лицо его было непроницаемо, и, только когда чуть-чуть извиняющимся тоном он указал на главный камень преткновения — отказ Прокуратуры СССР 1954 года,— в нем промелькнуло что-то человеческое. Зато он заметно оживился, когда я сообщила ему, что Лев Николаевич лежит в больнице после операции. Может быть, он подумал о возможности актировать Гумилева?

Вскоре открылся XX съезд партии. Когда после его окончания я вновь пришла в прокуратуру, все переменилось.

Меня встретили почти радостно: в первом же заседании, сказали мне, приговор будет опротестован и при этом самим Генеральным прокурором СССР. Я не помню деталей этого разговора, но вот передо мной письмо Левы, где он пишет: «Сегодня пришла Ваша открытка от 1.III. Я потрясен радостью, даже чуть-чуть заболел от нее. Это как будто Воскресение».

Анна Андреевна не могла больше ждать, ее охватило нетерпение. Она написала письмо А. А. Фадееву, он лежал тогда в больнице, и я помчалась на улицу Калинина. Не успела я вернуться из пропускной кремлевской больницы на Ордынку, как Фадеев уже позвонил Анне Андреевне и просил ее прийти к нему. Он показался ей очень смягченным. Ей было слегка неловко, что она обратилась к Фадееву, в то время как от Союза писателей за нее ходатайствует уже Сурков, но Фадеев отнесся к этому добродушно: оба, мол, еще лучше — «один подкрепляет другого». 2 марта 1956 года Фадеев послал в Главную военную прокуратуру то письмо о Л. Гумилеве, которое напечатано в № 12 «Нового мира» за 1961 год.

В следующий раз, когда я пришла в прокуратуру, я узнала, что Руденко, Генеральный прокурор, уехал в Баку и нужно дождаться его возвращения. И только 9 мая мне сообщили в прокуратуре, что протест Руденко уже ушел в Военную коллегию Верховного суда СССР и недели через две надо будет начать справляться там. Я немедленно написала об этом Леве, но авиаоткрытка пришла обратно с надписью «Адресат выбыл 14 мая». Что случилось?

По решению XX съезда на места выехали (или были там же созданы, я не знаю) специальные, так называемые «микояновские» комиссии, чтобы ускорить возвращение домой заключенных, дожидающихся реабилитации. Такая комиссия, как уже говорилось, отпустила и реабилитировала Л. Н. Гумилева. 15 мая он был уже в Москве и вскоре уехал в Ленинград.

А заседание Верховного суда, своим чередом отменившее приговор Л. Гумилеву, состоялось через три недели. Об этом мы узнали из официального извещения, присланного Ахматовой на мой адрес. Привожу копию:

Прокуратура
Союза Советских
Социалистических Республик

Гр-ке Герштейн Эмме Григорьевне
Москва Б-93, Б. Серпуховская, д. 27, кв. 67
(для гр-ки Ахматовой А. А.)

Главная Военная Прокуратура
30 июля 1956 г.
12 № 50043-49
Москва, Центр, ул. Кирова, 41

Сообщаю, что дело, по которому в 1950 г. был осужден ГУМИЛЕВ Лев Николаевич, проверено.

Установлено, что Гумилев Л. Н. был осужден необоснованно.

По протесту Генерального Прокурора СССР определением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 2 июня 1956 г. постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 13 сентября 1950 г. в отношении ГУМИЛЕВА Льва Николаевича отменено и дело на него за отсутствием состава преступления прекращено.

Военный прокурор отдела ГВП
Подполковник юстиции
П/п (Караскуа)

Лев Николаевич оценил важность этой второй, юридически обоснованной реабилитации. 5 августа 1956 года он писал мне из Ленинграда: «Ваша новость меня очень обрадовала: пришлите мне бумажку так, чтобы я ее получил 12 августа. Это более, чем приятно». Я поторопилась, потому что 12-го он рассчитывал приступить к работе в Эрмитаже. А 13 августа 1956 года Л. Н. вновь пишет мне из Ленинграда:

«Сегодня я ходил в Большой Дом по повестке и там мне прочли полностью определение Верховного суда и научили меня, как запросить, что я и сделал сегодня же. Это очень хорошо, и постановление, вернее справка, мне будут очень полезны. Там же меня научили, как добиваться трудоустройства, и были обаятельно любезны. Всегда бы так... С сегодняшнего дня у меня чувство огромной облегченности...

Плод Ваших стараний живой Лев...»

Вскоре подала заявление в Прокуратуру СССР и вдова Осипа Мандельштама.

За ответом ей пришлось явиться уже осенью. Надежда Яковлевна волновалась и просила меня пойти вместе с нею. И вот я опять на Пушкинской улице, стою в коридоре, как это было в 1940 году и в 1955-м, когда я поджидала Анну Андреевну, а теперь поджидаю Надежду Яковлевну. Очереди уже схлынули, и ждать пришлось недолго.

Она вышла из кабинета и рассказала: женщина-прокурор показала ей тоненькое дело Осипа Эмильевича: в 1937—1938 годах Мандельштам нарушал паспортный режим, т. е. часто ночевал в Москве и Ленинграде, где не имел права жить после возвращения из воронежской ссылки. Вдобавок, иронически пожимая плечами, читала прокурорша, он ходил по редакциям и забрасывал их своими стихами. Осуждение его за такие «преступления» на пять лет лагерей признано незаконным, и Мандельштам посмертно реабилитирован. Что касается его первого ареста, когда в 1934 году он был выслан на три года за резкую эпиграмму на Сталина, то это дело, как я тогда поняла Надежду Яковлевну, не было поставлено на пересмотр.

Мы вышли из прокуратуры, купили по дороге бутылку вина, сели в такси и поехали к Н. И. Харджиеву. Там с возгласами: «Дожили, дожили!» — Надежда Яковлевна обнималась и целовалась с нами.

Москва. Январь 1973

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Надежда Мандельштам. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. С. 229; Вторая книга. Париж — Нью-Йорк: Имка-пресс, 1972. С. 658—660. Фрагменты из этих книг появлялись у нас пока лишь в периодике (см., например: Юность. 1988. № 8), однако сейчас, как известно, готовится выпуск их полного текста в издательствах «Книга» и «Московский рабочий».

[2] Ардовы — писатель-сатирик Виктор Ефимович Ардов (1900—1976) и его жена актриса Нина Антоновна Ольшевская — были близкими друзьями Анны Андреевны, в их доме на Ордынке она постоянно останавливалась, приезжая в Москву.

[3] Мария Сергеевна Петровых (1908—1979) — поэтесса и переводчица.

[4] Николай Иванович Харджиев (1903) — писатель, литературовед, искусствовед, многолетний друг Ахматовой.

[5] Эта рукопись легла в основу книги Л. Н. Гумилева «Хунну. Срединная Азия в древние времена» (М.: Изд-во восточной литературы, 1960).

[6] Н. Мандельштам передает слова А. Суркова о Л. Гумилеве: «У Гумилева, наверное, есть какое-нибудь дело,— сказал мне в 56-м году Сурков.— Такого отца расстреляли. Он, должно быть, хотел за него отомстить...» (Воспоминания, с. 229). Или: «С Гумилевым дело сложно — он, вероятно, мстил за отца» (Вторая книга, с. 660). Это неверно: никаких разговоров о Л. Гумилеве Н. Мандельштам с А. Сурковым больше не вела, поскольку это дело было поручено мне. А подобная фраза была сказана самому Льву Николаевичу совсем другим лицом, в другой обстановке и в другую эпоху — в 1933 году: «Мы расстреляли вашего отца. Вы, наверное, нас сильно ненавидите». На что 20-летний Лев ответил: «Это как на войне. Ведь у сыновей убитых на войне ненависти к государству нет» (слышала от А. А. Ахматовой и Н. И. Харджиева).

[7] Много лет спустя стало известно, что, будучи старшим помощником Генерального прокурора СССР, Г. А. Терехов изучил дело Николая Степановича Гумилева и установил, что, кроме недоносительства, «никаких других обвинительных материалов, которые изобличали бы Гумилева в антисоветском заговоре, в том уголовном деле, по материалам которого осужден Гумилев, нет» (см.: Новый мир. 1987. № 12. С. 257—258).

●

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 5. Александров. 8. Голубика. 9. Мотоцикл. 10. Роспуск. 13. Ниагара. 16. Навага. 18. Паланга. 19. Адонис. 21. Серпантин. 22. Лермонтов. 23. «Цусима». 25. Сторона. 26. Пассаж. 30. Гандбол. 31. Вокализ. 34. Цикламен. 35. Патиссон. 36. Стенограмма.
По вертикали: 1. Эльбрус. 2. Устав. 3. «Знамя». 4. Водолаз. 6. Полоса. 7. Скерцо. 11. Краснотал. 12. Оранжерея. 13. Нагульнов. 14. Лаперуз. 15. Лимонад. 17. Грамм. 20. Дрофа. 24. Италия. 27. Свисток. 28. Область. 29. Аксиома. 32. Анион. 33. Опера.